



ОТСТУПНИКИ

МАРИССА МЕЙЕР

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ THE NEW YORK TIMES

«ЛУННЫЕ ХРОНИКИ»

Марисса Мейер

Отступники

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Мейер М.

Отступники / М. Мейер — «Издательство АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-983317-8

Люди со сверхспособностями появились на руинах разрушенного общества и установили мир и порядок там, где прежде царил хаос. Они стали защитниками справедливости, символом надежды и мужества для всех... Кроме тех, кого они свергли. Это история новых Ромео и Джульетты в мире, населенном новыми супергероями. Каждый из них что-то скрывает. У каждого есть своя тайная цель.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-983317-8

© Мейер М., 2017

© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Пролог	7
Глава первая	14
Глава вторая	20
Глава третья	28
Глава четвертая	34
Глава пятая	40
Глава шестая	47
Глава седьмая	54
Глава восьмая	60
Глава девятая	68
Глава десятая	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Марисса Мейер

Отступники

*Посвящается Джозеффри,
первому герою, с которым я повстречалась.*

Сначала все мы были преступниками.

На протяжении столетий обычные люди боялись нас, Одаренных. На нас охотились. Нас истязали. Унижали и притесняли. Нас считали ведьмами и демонами, называли уродами и скверной. Нас забрасывали камнями, вешали и сжигали, и безжалостные толпы собирались поглазеть на это, гордые, что в очередной раз сумели избавить мир от выроodka.

Они боялись – и правильно делали.

На протяжении столетий. Кто бы выдержал такое?

Все изменил Ас Анархия. Он собрал и объединил самых сильных Одаренных, каких только мог найти, и поднял их на бунт.

Начал он с материальных объектов. Правительственные здания взлетали на воздух. Банки и биржи обращались в руины. Мосты он уничтожал с воздуха. Целые автострады превращал в каменистые пустоши. Армия поднимала в воздух реактивные самолеты – он сбивал их в воздухе, как мошек. Посланные против него танки он давил, как жестянки.

Потом он принялся за людей, которые его разочаровали. Которые разочаровали их всех.

Целые правительства – долой. Правоохранительные органы – разогнать. Все пафосные бюрократы и чинуши, купившие себе власть и влияние... все были мертвы – в считанные недели.

Восставших мало волновало, что придет на смену, когда старый мир погибнет. Их цель – только перемены, и они своей цели добились. Вскоре на руины старого мира повылезли шайки преступников, и каждый негодяй норовил урвать кусок власти и могущества. Вскоре влияние Аса Анархии начало распространяться по всему миру. Впервые в истории Одаренные сбивались в банды, одни были полны озлобления и ненависти, другие просто искали доброго отношения к себе, но так его и не дождались. Восставшие требовали справедливости, соблюдения прав человека, охраны законом – и перепуганные правительства некоторых стран торопливо шли на уступки.

Но в других странах мятежи становились все более жестокими, а насилие перерастало в анархию.

Воцарившийся хаос заполнял пустоту, возникшую на месте цивилизованного общества. Торговля была в упадке, производство практически развалилось. На всех континентах бушевали гражданские войны. Город Гатлон был почти полностью отрезан от мира, и долгие двадцать лет страх и недоверие правили в нем.

Это время назвали Веком Анархии.

Сейчас, оглядываясь назад, люди говорят, что Анархисты и другие подобные им банды были самым худшим в те двадцать лет. Но это не так. Конечно, все их боялись, все были запуганы, но, как правило, они никого не трогали, лишь бы вы вовремя платили дань и не причиняли им беспокойства.

Иное дело люди. *Нормальные* люди. Эти были намного хуже. Без законов и порядков каждый – мужчина, женщина, ребенок – был сам за себя. Преступления и насилие оставались безнаказанными – не к кому было бежать за помощью, если вас избили или ограбили. Ни полиции. Ни судов и тюрем. По крайней мере, законных. Сосед крал у соседа. Громили магазины, разворовывали припасы, не заботясь о том, что в канавах голодают дети. Сильные брали верх над слабыми, а сильные (так бывает почти всегда) нередко оказываются дрянными людишками.

В такие времена человечество теряет веру. Не с кого брать пример, не на кого положиться, мы все стали крысами в канализации.

Возможно, Ас и правда был злодеем. Или, может быть, пророком.

Не исключено, что это почти одно и то же.

Так или иначе, но он и его Анархисты двадцать лет правили Гатлоном, и преступления и пороки били ключом, как нечистоты из засорившейся трубы. И Век Анархии мог затянуться еще на двадцать лет. На пятьдесят. Навсегда.

Но вдруг, будто совсем внезапно... забрезжила *надежда*.

Яркая и искрящаяся надежда, облаченная в капюшоны и маски.

Прекрасная и радостная надежда, обещавшая покончить со всеми бедами, исправить все мировое зло, обрушить всю силу правосудия на ваших недругов, а попутно еще и сделать строгое внушение пешеходу, нарушившему правила.

Горячая, многообещающая надежда, вдохновляющая нормальных людей на то, чтобы сидеть по домам в безопасности, пока здесь все не исправят. Не переживайте и не пытайтесь помочь себе сами. Вы и так натерпелись, прячьтесь и страдайте. Отдохните. Мы супергерои. *Мы берем это на себя.*

И у надежды появилось имя – Отступники.

Пролог

Нова уже несколько недель собирала шприцы в узком переулке за их домом. Она знала, что родители их отнимут, если найдут, поэтому прятала свои сокровища в старую обувную коробку, вместе с отвертками, хомутиками, ватными шариками – словом, всем тем, что могло пригодиться для ее поделок. В свои шесть (хотя на вид ей можно было дать все семь!) лет Нова уже понимала, как важно быть изобретательной и запасливой. В конце концов, не может же она составить список необходимого и отправить папу с ним в магазин.

Шприцы ей пригодятся. Она с самого начала поняла, какая это полезная штука.

Нова закрепила на носике одного шприца тонкую пластиковую трубочку и опустила ее другой конец в стакан с водой из умывальника. Потянув за поршень, она набрала воды в шприц. Высунув язык в дырочку на месте недавно выпавшего зуба, девочка подхватила второй шприц и прикрепила к другому концу трубки, а потом, порывшись в коробке с инструментами, выудила кусок проволоки. Им вполне можно примотать шприцы к системе рычагов, которые Нова смастерила на крыше своего кукольного дома.

Работа заняла весь день, но теперь, наконец, можно приступить к испытаниям.

Поставив кое-какую кукольную мебель на платформу подъемника, она нажала на поршень шприца. Вода побежала по трубке и выдавила второй поршень, приведя в движение сложную систему рычагов.

Платформа стала подниматься.

Нова улыбнулась.

– Гидравлический лифт. *Успех.*

В этот момент из соседней комнаты раздался плач, а за ним успокаивающий, баюкающий мамин голос. Нова оглянулась на закрытую дверь в спальню. Эви опять болела. У нее все время поднималась температура, а лекарство уже несколько дней как кончилось. Дядя Алек должен принести его, но когда? Может, только через несколько часов.

Услыхав, что папа просит дядю Алека найти для Эви детский ибупрофен, Нова подумала было заикнуться о фруктовой жвачке (он дарил ей такую на прошлый день рождения) или пачке перезаряжаемых батареек.

С такими батарейками Нова много что смогла бы сделать.

Но папа, по выражению глаз поняв, что дочь собирается что-то попросить, так посмотрел на нее, что она притихла. Нова не совсем понимала, в чем тут дело. Дядя Алек всегда был к ним добр – приносил еду и одежду, а иногда даже игрушки, добытые за неделю – но родители никогда не просили его сами, даже если очень сильно в чем-то нуждались. Если им нужно было что-то определенное, приходилось отправляться на рынок и выменивать, чаще всего на вещицы, которые делал папа.

В последний раз из такого похода папа вернулся с упаковкой многоцветных подгузников для Эви и рассеченной бровью. Мама сама зашивала ему рану. Нова наблюдала и невольно удивлялась: когда ее Медвежонок Долли порвался по шву, мама шила в точности так же.

Нова вернулась к своей гидравлической системе. Лифт чуть-чуть не дотягивал до второго этажа кукольного дома. Если бы она могла увеличить объем шприца... а можно подрегулировать систему рычагов...

Но плач продолжался и продолжался. Полы скрипели – это родители по очереди пытались убаюкать Эви, расхаживая с ней по квартире.

Скоро соседи начнут жаловаться.

Со вздохом отложив шприц, Нова встала.

Папа был в гостиной, он качал и подбрасывал Эви, одновременно пытаясь приложить влажную махровую салфетку к ее пылающему лбу. Через открытую дверь Нова увидела, как

на крохотной кухоньке мама копается в шкафах, бормоча, что куда-то засунула яблочный сок – хотя все отлично знали, что никакого сока нет.

– Хочешь, я помогу? – спросила Нова.

Папа обернулся, глаза у него были мутными от усталости. Эви совсем зашлась криком, потому что ее не подбрасывали целых две секунды.

– Прости, Нова, – заговорил папа, качая ребенка. – Несправедливо просить тебя об этом... но если б она поспала хоть час-другой... ей обязательно нужно отдохнуть, а к этому времени, смотришь, и Алек подospel бы.

– Мне не трудно, – сказала Нова, протягивая к малышке руки. – Совсем.

Папа нахмурился. Иногда Нове казалось, что ее дар ему не нравится, хотя она не могла понять, почему. Ничего плохого она ведь не делала, зато в квартире становилось тише.

Нагнувшись, отец бережно положил Эви на руки Нове и проверил, крепко ли она держит. Сестренка становилась все тяжелее – никакого сравнения с крошечным младенчиком, каким она была год назад. Теперь у нее были крепкие ножки, она молотила по воздуху пухлыми ручонками. Родители повторяли, что со дня на день Эви пойдет.

Нова присела на матрас родителей в углу комнаты и пальцами начала гладить шелковистые кудряшки Эви. Девочка докричалась до того, что по щекам у нее катились крупные слезы, а лоб был горячий, как натопленная печка.

Нова обложила одеялами и подушками так, чтобы обоим было удобно, и большим пальцем стерла слезинки со щеки у сестры. Она позволила силе свободно течь сквозь себя. Легкое, нежное биение.

Плач прекратился.

Глаза Эви затуманились, веки потяжелели, ротик приоткрылся.

Вот и все, она уже спала.

Подняв голову, Нова заметила облегченный вздох отца. В дверях показалась мама, удивленная и обрадованная – пока не увидела, как Нова прижимает к себе малышку.

– Больше всего люблю вот так, – прошептала им Нова. – Когда она такая уютная, и... тихая.

Мамино лицо разгладилось.

– Спасибо, Нова. Надеюсь, когда она проснется, ей станет полегче.

– И нам не придется искать себе другую квартиру, – пробормотал папа. – Чарли выгонял жильцов и за меньшие провинности, чем плачущий ребенок.

Мама потрясла головой.

– Он не станет так рисковать, побоится рассердить твоего брата.

– Не знаю, – папа нахмурился. – Я больше не знаю, кто и что станет или не станет делать... Кроме того... мы и так уже много должны Алеку, и я не хочу, чтобы наш долг увеличился еще больше.

Мама ушла на кухню и принялась убирать пачки и банки, которые раскидала по полу, а папа подсел к единственному в квартире столу. Нова наблюдала, как он массирует виски, потом выпрямился и начал работать. Он задумал что-то новое. Нова не знала, что это будет, но ей нравилось смотреть, как работает отец. Его дар был намного интереснее ее собственного – он вытягивал нити энергии прямо из воздуха, соединял их и придавал форму, будто плел кружево из тончайшей золотой проволоки.

Это было очень красиво. Нову завораживало это зрелище – светящиеся волокна словно возникали из пустоты, воздух в комнате тихо гудел и вибрировал, но потом все стихало, постепенно гасло сияние, а в руках у отца, постепенно темнея, оставалось нечто осязаемое.

– Что ты делаешь, папочка?

Отец мельком взглянул на нее, и по его лицу будто пробежала тень. Это не укрылось от Новы, хоть он и улыбался ей ласково.

– Сам пока не знаю, – он говорил, а пальцы продолжали перебирать тончайшие металлические нити. – Но надеюсь, что так мне удастся хоть отчасти исправить тот ущерб, который я причинил этому миру.

Отец вздохнул так шумно, что это заставило Нову неодобрительно нахмуриться. Девочка понимала: есть вещи, о которых родители с ней не говорят, что-то дурное или печальное, от чего они пытаются ее оградить. Это ее сердило. Иной раз удавалось подслушать их разговоры, долгими ночами, думая, что дочка спит, они могли обронить словечко-другое. Тогда они шептались о разрушенных зданиях и целых кварталах, спаленных дотла. Они приглушенно говорили о борьбе за власть и о том, что некуда спрятаться и опасности подстерегают повсюду, и о том, что из города можно было бы бежать, но насилие, кажется, захватило весь мир, и податься им некуда.

Всего неделю назад Нова услышала, как мама говорит: *«Он разрушит весь мир, если никто его не остановит...»*

Нова тогда хотела расспросить об этом, но знала, что получит в ответ расплывчатые отговорки, грустные улыбки, да уверения в том, что ей не о чем беспокоиться.

– Папочка? – начала она снова, понаблюдав за его работой. – У нас ведь все будет хорошо?

Призрачный медно-красный сгусток энергии вздрогнул и растворился в воздухе. Подавив вздох, отец поднял голову.

– Конечно, солнышко. У нас все будет прекрасно.

– Почему же у тебя всегда такой озабоченный вид?

Отложив работу, он откинулся на спинку стула, помассировал веки. На миг ей показалось, что отец вот-вот заплачет, но он открыл глаза, и все прошло.

– Послушай, Нова, – отец встал со стула и присел перед ней на корточки. – В этом мире много опасных людей. Но в нем много и хороших людей. Смелых. Как бы плохо ни шли дела, надо об этом всегда помнить. Пока в этом мире есть герои, у нас есть надежда, что завтра будет лучше, чем вчера.

– Отступники, – прошептала она с замиранием.

Лицо отца осветила слабая улыбка.

– Отступники, – подтвердил он, кивая.

Нова прижалась щекой к мягким кудряшкам Эви. Отступники в последнее время помогали всем, казалось, они успевают повсюду. Один из них настиг воришку, который вырвал сумку у миссис Огилви. А еще Нова слышала, что Отступники проникли на склад одной из бандитских шаяк и передали всю еду тайному детскому приюту.

– А нам они помогут? – спросила девочка. – В следующий раз мы можем попросить у них детское лекарство.

Отец отвернулся и покачал головой.

– Мы не так сильно нуждаемся в их помощи, как другие люди в городе.

Нова наморщила лоб. Она не могла себе представить кого-то, кому помощь нужна больше, чем им.

– Но, – продолжил папа, – когда они будут нам нужны... *по-настоящему* нужны, они придут, понимаешь?

Он облизал губы и добавил, с надеждой, но не очень убежденно:

– Они нас обязательно защитят.

Нова не ставила его слова под сомнения. А как же, они ведь все супергерои. Все они добрые.

Нашупав пухлые пальчики Эви, она принялась бездумно перебирать их, вспоминая все слышанные ей истории. Отступники вытащили шофера из кабины перевернувшегося грузовика. Отступники остановили перестрелку на рынке в соседнем квартале. Отступники спасли ребенка, упавшего в залив Хэрроу Бэй.

Они помогали всем и везде, всегда появляясь в нужный момент. Вот что они *делали*.

Может быть, думала Нова, когда отец снова взялся за работу – может быть, они просто дожидаются подходящего момента, чтобы внезапно появиться и помочь им, как помогали другим.

Девочка не могла отвести глаз от рук отца. Не отрываясь, она наблюдала, как его пальцы вытягивают из воздуха новые нити, лепят, придают им форму.

У нее и самой отяжелели веки.

Даже заснув, она видела папины руки, только теперь он ловил падающие с неба звезды и собирал из них мерцающее золотистое ожерелье...

В дверь постучали.

Нова проснулась как от толчка. Эви запыхтела и скатилась с ее коленей. Не понимая спросонья, что происходит, Нова села и потрясла онемевшей рукой, вытянув ее из-под головы у сестренки. По комнате двигались тени. Из коридора доносились тихие голоса. Папин, взволнованный и напряженный. Мамин, повторявший шепотом, *пожалуйста, пожалуйста...*

Нова сбросила одеяло, которым кто-то прикрыл ее во сне, завернула в него Эви, а сама тихонько прошла мимо стола, на котором одиноко лежал медно-красный браслет тончайшего плетения – изящная оправка для драгоценного камня, которому еще только предстояло занять свое место.

Добравшись до двери, она тихонько повернула ручку и чуть приоткрыла дверь, так, чтобы увидеть сквозь щелочку, что происходит в темном коридоре.

В прихожей стоял человек – небритый подбородок, светлые волосы стянуты на затылке в жидкий хвостик. На нем была плотная куртка, хотя погода стояла совсем не холодная. В руке он держал пистолет.

Безразличным взглядом он скользнул по Нове, и она, съжившись, отшатнулась, но мужчина вновь повернулся к ее отцу, словно и не заметил девочку.

– Это недоразумение, – сказал папа. Он стоял между женщиной и мамой Новы. – Дайте мне с ним поговорить. Я уверен, что смогу объяснить...

– Никакого недоразумения нет, – ответил человек. Он говорил низким и спокойным голосом. – Вы обманули его доверие, мистер Артино. Он этого не любит.

– Прошу вас, – заговорила мама. – Здесь дети. Умоляю, имейте сострадание.

Человек наклонил голову, чуть-чуть, переводя взгляд с папы на нее.

У Новы в животе все сжалось от страха.

– Позвольте мне только поговорить с ним, – повторял папа. – Мы ничего не сделали. Я предан ему, клянусь. И моя семья... прошу вас, не трогайте семью.

На какой-то миг Нове показалось, что тот человек может улыбнуться, но он не стал.

– Я получил вполне четкие распоряжения. Не мое дело задавать вопросы... или иметь сострадание.

Отец шагнул вперед.

– Уведи девочек. *Иди*.

– Дэвид... – всхлипнула ее мать, отходя к двери.

Она не успела сделать и шага, как незнакомец поднял руку.

Выстрел.

Нова ахнула. Кровь брызнула на дверь, несколько капель попали ей на лоб. Не в силах шевельнуться, она смотрела, как отец с криком бросился к жене. Он поднял ее с пола. Его била дрожь. Мама хрипела, она задыхалась.

– Не оставлять в живых никого, – сказал человек спокойно и невозмутимо. – Такой мне дали приказ, мистер Артино. Вините в этом только себя самого.

Отец заметил стоящую у двери Нову. Его широко раскрытые глаза были полны ужаса.

– Нова. Бег...

Второй выстрел.

На этот раз Нова закричала. Отец упал рядом с телом мамы, так близко, что девочка могла бы протянуть руку и дотронуться до них обоих.

Она бросилась в квартиру. Вбежав через кухню к себе в комнату, она захлопнула дверь. Рывком открыла свой шкаф. Перебралась через книги, инструменты и коробки, беспорядочно сваленные на полу. Закрыла дверцу за собой изнутри и скорчилась в углу, судорожно хватая ртом воздух. Каждый раз, прикрывая глаза, она видела лежащих на полу родителей. Слишком поздно ей пришлось в голову, что нужно было бы бежать по пожарной лестнице. Слишком поздно.

Слишком поздно она вспомнила —

Она оставила Эви одну.

Она забыла там Эви.

Судорожный вздох слился у нее в горле с криком ужаса, и она попыталась подавить их оба. Рука потянулась к дверце шкафа, и Нова уже прикидывала, насколько быстро у нее получится добежать до гостиной и вернуться, есть ли у нее шанс вынести малышку, оставшись незамеченной...

Не успела она об этом подумать, как дверь из прихожей скрипнула.

Тихонько взвизгнув, Нова зажала рот рукой.

Может, он не заметит Эви. Она ведь продолжает спать.

Она слышала медленные, тяжелые шаги. Скрип половиц.

Нова так сильно дрожала, что испугалась, что ее выдаст стук зубов и костей. Но она понимала также, что это не имеет значения.

Квартирка совсем маленькая, здесь негде спрятаться, некуда бежать.

– Вот придут Отступники, – зашептала она, ее голос в темноте был чуть громче дыхания. Слова пришли в голову сами собой, но это было хотя бы что-то. Что-то надежное. За что можно уцепиться.

Бабах. Кровь матери на полу.

Нова заскулила. «Вот придут Отступники...»

Закон, подтверждаемый бесчисленными телевизионными сюжетами. Уверенность, подкрепленная рассказами соседей.

Они всегда приходят.

Бабах. Тело отца на полу в коридоре.

Нова прижалась виском к стенке и крепко зажмурилась, а по щекам потекли горячие слезы.

– Отступники... Вот придут Отступники...

В гостиной раздался пронзительный плач Эви.

Глаза Новы мгновенно распахнулись. В горле застряло рыдание, сейчас она не смогла бы вымолвить ни слова.

Пожалуйста, пожалуйста, пусть они придут...

Третий выстрел.

У Новы в груди застрял ком.

Мир застыл. В голове была пустота.

Она опустилась на ворох книг, наваленных на полу шкафа.

Эви больше не плакала.

Эви больше не было.

Она слышала, как мужчина ходит по квартире, заглядывает в ящики, за двери. Неторопливо. Методично.

За то время, пока он искал ее, Нова перестала трястись. Она совсем ничего не чувствовала. Не могла думать. Те слова, как эхо, продолжали гудеть у нее в голове, потеряв всякий смысл.

Отступники... Вот придут Отступники...

Нову залил безжалостный свет из ее спальни. Она подняла глаза. Мужчина навис над ней. Его рубашка была забрызгана кровью. Позднее она вспоминала, что на лице у него не было ни сожаления, ни раскаяния, ни жалости.

Совсем ничего не было на лице этого человека, когда он поднял пистолет.

Нова протянула руку и вцепилась ему в запястье, позволяя своей силе изливаться мощнее, чем когда бы то ни было.

У человека отвисла челюсть. Глаза остекленели и закатились под лоб. Он стал заваливаться назад и с грохотом рухнул на пол, сломав кукольный домик Новы. Казалось, от его падения содрогнулся весь дом.

Секунда – и квартиру наполнило мерное, спокойное дыхание.

У Новы снова заработали легкие. Воздух рывками врывается ей в горло. Туда. И оттуда.

Она заставила себя подняться и подняла пистолет. Рукоятка была теплой. Она нажала на спусковой крючок пальцем, хотя он не хотел поддаваться.

Ступила вперед и, одной рукой вцепившись в дверной стояк, вышла из своего убежища. Нова не знала, куда нужно целиться. В голову. В грудь. В живот.

Она прицелилась ему в сердце. Подошла так близко, что пальцами босых ног коснулась его рубахи.

Бабах. И ее мама умерла.

Бабах. И умер папа.

Бабах. Эви...

А Отступники не пришли.

Они, видно, и не собирались приходить.

– Жми на курок, – прошептала она куда-то в пустоту комнаты, – Жми на курок, Нова.

Но она не нажала.

Не смогла.

Прошло несколько минут, или часов, и ее нашел ее дядя. Она все еще стояла над спящим незнакомцем, приказывая себе нажать на курок. Слыша те выстрелы снова и снова, стоило закрыть глаза.

– Нова? – пластиковый пакет упал на пол, вместе с пластиковой бутылочкой с лекарством. Нова вздрогнула и навела на него пистолет.

Дядя Алек даже бровью не повел. Просто подошел и сел рядом с ней на корточки. Одет он был так же, как всегда – в черный с золотом мундир, глаза едва виднелись в прорези медно-красного шлема, скрывавшего большую часть лица.

– Нова... Твои родители... Твоя сестра... – он взглянул вниз и потянул к себе пистолет. Нова отдала его без сопротивления. Лежащий на полу привлек внимание дяди Алека. – Я всегда подозревал, что ты одна из нас, но твой папа не рассказывал, что ты умеешь делать...

Он снова заглянул Нове в глаза – с жалостью и, кажется, с восхищением.

От этого взгляда Нова словно очнулась и бросилась дяде в объятия.

– Дядя Алек, – надрывно заплакала она, ткнувшись лицом ему в грудь, – Он их застрелил... он... он убил...

Дядя поднял ее и прижал к груди.

– Знаю, – прошептал он ей в волосы, – Я знаю, милое, опасное дитя. Но теперь ты в безопасности. Я не дам тебя в обиду.

Нова почти не слышала его слов, в голове у нее стоял страшный шум. Там непрерывно звучали выстрелы. *Бабах бабах бабах.*

– Но, когда мы отсюда выйдем, больше ты не должна называть меня Алеком. Идет, кошмарик? – Он погладил ее по волосам. – Для всего остального мира за пределами этой квартиры я Ас. Ты поняла? Дядя Ас.

Но девочка не слушала. И он, видимо, это понял.

Покрепче обняв не перестающую рыдать девчущку, он направил пистолет на спящего и выстрелил.

Глава первая

Десять лет спустя

Все улицы в центре Гатлона были запружены ряжеными в костюмах супергероев.

Кругом носились дети в оранжевых плащиках с капюшонами. Одни с визгом размахивали над головами мигалками в стиле Черного Огня, другие палили друг в друга из водяных пистолетов с символикой Цунами. Взрослые мужчины напялили синие лосины, расписали наплечные щитки «под Капитана» и сидели теперь, то и дело чокаясь, в кабачках под открытым небом, каких на главной улице было множество. В этом году остро модно было рядиться в одежды другого пола, потому женщины сплошь и рядом щеголяли в весьма откровенных версиях коронного костюма Укротителя Ужаса, а многие мужчины нацепили на спину дешевые копии черных крыльев Гром-птицы.

О, как же Нова ненавидела эти парады Отступников.

Уличные торговцы тоже расстарались – чего только не было на их прилавках, от дрянных подделок светящихся жезлов до крохотных плюшевых фигурок знаменитой пятерки Отступников. Даже закусочные на колесах были украшены соответственно теме дня, тут были и любимые пирожные Капитана Хрома и корзинки с рыбой и картофелем фри «от Цунами», а надпись на одном фургоне гласила «Любимое блюдо Укротителя Ужаса, цыпята с кукурузой – налетай, пока не *исчезли!*»

Даже если бы у Новы поначалу и был аппетит, сейчас он наверняка бы пропал без следа.

Толпа разразилась приветственными воплями, которые не могли перекрыть звуки оркестра. Голоса труб, барабанов и грохот шагов сотен марширующих музыкантов заливали улицу. Музыка звучала все громче, приближалась к ним. Над головами палили пушки, щедро осыпая толпу блестящими конфетти. Дети обезумели от восторга. Взрослые вели себя немногим лучше.

Нова, слегка разочаровавшись в человечестве, только покачала головой. Она стояла в глубине толпы. Отсюда шествие не было видно во всех подробностях, и ее это устраивало. Руки она скрестила на груди, будто защищаясь. Пальцы барабанили, выдавая нетерпение. Ей казалось, что она здесь уже целую вечность.

Вдруг крики перешли в оглушительный рев, и это могло означать только одно. В поле зрения толпы показались первые платформы.

По традиции первыми двигались платформы со злодеями для того, чтобы окончательно взвинтить толпу и напомнить всем и каждому, чему именно посвящен праздник. Сегодня была девятая годовщина Битвы при Гатлоне, когда Отступники сошлись с Анархистами и другими преступными шайками в кровавом сражении, унесшем десятки жизней с обеих сторон. В конце концов Отступники одержали верх. Мятежные Анархисты были повержены, а те немногие из преступников, кто не был уничтожен в тот день, либо уползли и попрятались в щели, либо бежали из города.

Сам же Ас... Ас Анархия погиб. Был уничтожен взрывом, сравнявшим с землей не только кафедральный собор, в котором он поселился, но и окружающие жилые кварталы.

Тот день официально признали концом Века Анархии и началом правления Совета.

Его назвали Днем Триумфа.

Подняв голову, Нова следила за огромным, почти во всю ширину улицы, воздушным шаром, плавно проплывавшим между небоскребами. Это была злая карикатура на Атомного Мозга, некогда одного из ближайших соратников Аса, которого Отступники убили почти пятнадцать лет назад. Нова не знала его лично, но все равно неприятно было видеть, как его изобразили на воздушном шаре – непомерно раздутая голова и уродливо искаженные черты лица.

Толпа без устали хохотала.

В ухе у Новы щелкнул миниатюрный передатчик.

– Итак, мы начинаем, – прозвучал голос Ингрид, сухой, без тени юмора.

– Повесели их на славу, – добавил Фобия, – Недолго им осталось смеяться. Кошмар, ты на позиции?

– Все в порядке, – отозвалась Нова, стараясь как можно меньше двигать губами, хоть и понимала, что вряд ли хоть кто-то в толпе обращает на нее внимание. – Осталось только уточнить, на какую именно крышу мне нужно подняться.

– Совет пока не выходил из пакгауза, – сказал Фобия, – Будь начеку.

Посмотрев на другую сторону улицы, Нова различила в окне второго этажа делового центра Ингрид (она же Детонатор), выглядывавшую сквозь жалюзи.

Толпа вновь взревела, еще восторженнее прежнего. Поверх голов Нова увидела очередную искусно сделанную платформу. Декорация представляла собой миниатюрную версию Гатлона с характерными очертаниями крыш. Среди домов стояли актеры в гротескных костюмах, изображающие самых знаменитых членов банды Аса Анархии. Двоих Нова узнала – Крыса и Адский Огонь оба пали от руки Отступников – но не успела она оскорбиться за них, как вдруг заметила на возвышении еще одну фигуру. От неожиданности у нее вырвался смех, хоть немного снявший напряжение, в котором она пребывала с самого утра.

– Фобия, – позвала она, – а ты знал, что в этом году тебя сделали участником парада злодеев?

В наушнике раздалось недовольное хмыканье.

– Мы здесь не для того, чтобы восхищаться парадом, Кошмар.

– Не переживай. Ты здорово смотришься там, наверху, – откликнулась Нова, любуясь актером. Он был наряжен в длинный черный плащ и потрясал громадной пластиковой косой с приклеенными к ней резиновыми змеями. Но когда артист распахнул плащ, под ним обнаружилось бледное шуплое тело, не прикрытое ничем, кроме ядовито-зеленых плавок.

Толпа пришла в исступление. Даже Нова не удержалась от кривой усмешки.

– Ну надо же, какие вольности они себе позволяют.

– А мне даже нравится, – хихикнув, отозвалась Ингрид, наблюдавшая за парадом из окна.

– Внушает ужас, это точно, – согласилась Нова.

Фобия ничего не сказал.

– А это что...? – ахнула Ингрид. – Ох, силы небесные, в этом году они еще и Королеву Пчел вытащили.

Нова снова посмотрела. Сначала актриса была скрыта за силуэтом города на платформе, но вот она оказалась в поле зрения, и брови у Новы поползли на лоб. Женщина красовалась в белокуром парике вдвое больше ее головы. Вульгарное, расшитое блестками платье в желто-черную полоску сверкало и переливалось на солнце. Размазывая по щекам черную тушь, актриса прижимала к груди огромного плюшевого шмеля и громко жаловалась на то, как обижают ее бедных пчелок.

– Ого, – заметила Нова, – Кстати, получилось довольно похоже.

– Мне уже не терпится рассказать Хани, – сказала Ингрид. – Жаль, мы не догадались заснять все это.

Но Нова уже не смотрела на шествие – она, наверное, в тысячный раз обшаривала взглядом толпу. Она так и приплясывала на месте, не в силах стоять. Ей необходимо было двигаться.

– Тебе обидно, что здесь нет Детонатора? – поинтересовалась Нова.

После затянувшейся паузы Ингрид ответила:

– Да нет, ведь я-то *здесь*.

Девушка снова сосредоточилась на шествии. Привстав на носки, она пыталась разглядеть других своих соратников среди персонажей парада, когда раздался оглушительный гро-

хот. Крыша самого высокого здания на платформе – макета Торговой Башни – отвалилась, словно от взрыва, и оттуда с безумным хохотом показался новый актер, картинно воздевший руки к небу.

Восторг зрителей достиг апогея, а Нова стиснула зубы до боли.

Костюм Аса Анархии были ближе всех к настоящему – знакомый черный с золотом костюм и такой узнаваемый шлем.

Захваченная врасплох толпа быстро приходила в себя. Для многих именно этот момент был главным событием парада, даже более привлекательным, чем явление обожаемого всеми Совета.

Не теряя времени люди принялись извлекать порченные фрукты и вялые капустные кочаны, принесенные сюда специально для этого. Выкрикивая непристойности и злые шутки, они забрасывали гнильем злодеев на платформе. Артисты держались с завидной стойкостью. Они увертывались, прятались за макеты домов и визжали с наигранным показным ужасом. Тот, что изображал Аса Анархию, принял на себя основной огонь, но ни на миг не вышел из образа – потрясая кулаком, он обзывал бегущих рядом с платформой ребяташек *канальями*, *вонючками* и *кошмариками*, а потом снова нырнул в пустой дом и накрылся изнутри крышей, готовясь сделать сюрприз для зрителей на следующей улице.

Нова облизала пересохшие губы, внутри у нее все сжималось и стало полегче только, когда платформа, наконец, проплыла мимо.

Кошмарик...

Он и ее так звал, много лет тому назад.

За платформами следовали акробаты, над головами плыл гигантских размеров воздушный шар с портретом Гром-птицы. Нова обратила внимание на транспарант с рекламой предстоящих испытаний Отступников.

Отвага. Доблесть. Честь. Есть ли в тебе то, без чего не стать героем?

Не сдержавшись, Нова издала громкий звук, будто ее затошнило, и стоящая рядом старушка смерила ее укоризненным взглядом.

Неожиданно кто-то с лету наскочил на нее. С трудом устояв на ногах, Нова инстинктивно схватила бегущую девочку за плечи, не дав ей упасть на тротуар.

– Эй, смотри, куда бежишь, – сказала Нова.

Девочка подняла голову – лицо наполовину закрывала маска, Укротитель Ужаса в уменьшенной, более шуплой и худосочной версии.

– Что там у тебя, Кошмар? – раздался в ухе голос Ингрид. Нова не ответила.

Буркнув под нос невнятное извинение, девчонка вырвалась и снова нырнула в толпу.

Нова поправила рубашку и хотела было вернуться к параду, как вдруг увидела, как та же девчушка врезается еще в кого-то. Но вместо того, чтобы помочь ей не упасть, как сделала Нова, человек стремительно присел, ухватил девочку за лодыжку и одним быстрым движением перевернул ее вверх тормашками.

Нова изумленно наблюдала, как незнакомец тащит девочку (та извивалась, пытаясь вырваться) назад к ней. На вид он был примерно ее, Новы возраста, но намного выше, смуглый, с коротко стриженными волосами и в очках в толстой оправе. Он легко двигался в толпе, и можно было подумать, что руках у него плюшевая игрушка, а не яростно брыкающийся ребенок.

Поравнявшись с Новой, парень остановился и улыбнулся.

– Вот, возьми, – сказал он, протягивая руку.

– Отпусти сейчас же! – вопила, отбиваясь девчонка, – Поставь меня!

Нова смотрела на парня и на девчонку, потом окинула взглядом окружающую их толпу. Слишком много народу. И все глазают на них. Глазеют *на нее*.

Это нехорошо.

– Что ты делаешь? – повернулась она к парню. – Поставь ее на землю.

На это он ответил еще более безмятежной улыбкой, и у Новы вдруг екнуло сердце. Не просто от того, что подобные улыбки сводят других девушек с ума – что-то в парнишке показалось ей смутно знакомым, и Нова напрягала извилины, пытаясь сообразить, откуда она его знает и не опасен ли он.

– Ну что ж, Сорока, – заговорил парень довольно строго, – даю тебе три секунды, после чего посылаю запрос о переводе тебя на испытательный срок. И вообще, я вспомнил, что нашим уборщикам как раз требовалась помощь...

Девочка, фыркнув, перестала вырываться. Маска заскользила и чуть не слетела у нее со лба.

– Какой же ты противный, – проворчала она и полезла в карман. Достав что-то, она подала это Нове, которая нерешительно протянула навстречу руку.

На ладонь скользнул браслет – ее браслет.

Нова в недоумении уставилась на свое запястье – там, где много лет она не снимая носила браслет, только белела тонкая полоска незагорелой кожи.

В ушах прогремел голос Ингрид.

– Кошмар, что происходит?

Нова не ответила. Сжимая браслет в кулаке, она смотрела на девочку – та в ответ вызывающе сверкнула глазами.

Юноша, не церемонясь особо, разжал руки и выпустил девчонку, но та, упав на мостовую, проворно вскочила на ноги, не успела Нова и мигнуть.

– Я не стану об этом докладывать, – обратился к ней парень, – потому что уверен, что теперь-то ты, наконец, справишься. Правда?

Девочка сердито зыркнула на него.

– Не строй из себя моего папашу, Скетч, – с этими словами она бросилась прочь и скрылась за ближайшим углом.

Нова повернулась к нему.

– Кстати, она только что пробовала обокрасть еще кого-то.

В ухе снова зажужжал голос Ингрид.

– Кошмар, с кем ты там разговариваешь? Кого обокрали?

– ...может заставить ее переосмыслить свои поступки, – говорил парень, но Нова пропустила большую часть его речи. Их взгляды на миг встретились, потом он перевел глаза на ее сжатый кулак.

– Хочешь, помогу с этим?

Девушка плотнее сжала пальцы.

– С чем это? С браслетом?

Он кивнул и, прежде чем Нова сообразила, что происходит, взял ее за запястье. Это настолько ее поразило, что она разжала кулак.

– Когда я был маленьким, – сказал парень и бережно взял с ее ладони филигранную медно-красную вещицу, – мама всегда просила помочь ей застегнуть браслет... Ой! Тут застежка сломана.

Нова – она воинственно-недоверчиво всматривалась в его лицо – опустила глаза на браслет.

– Вот засранка! – ахнула она.

– Нова? – снова прозвучал голос Ингрид. – Тебя что, засекли?

Нова пропустила это мимо ушей.

– Все нормально, – успокоил ее парень, – Я могу починить.

– Починить? Это? – Нова хотела вырвать у него браслет, но он увернулся. – Ты не понимаешь. Этот браслет не... это же...

– Доверься мне, – и он достал из заднего кармана тонкий черный маркер. – Носишь на этой руке, да?

Он приложил браслет к запястью, опять заставив Нову вздрогнуть и замереть от неожиданного прикосновения.

Одной рукой придерживая браслет, он зубами снял с фломастера колпачок и начал рисовать прямо у нее на коже, заполняя пространство между двумя концами сломанной застежки. Нова следила за рождением рисунка – вот две тонкие линии соединили проволочки, затем между ними появился изящный замочек, с поразительно изящным и тонким для рисунка фломастером узором, который, к тому же, по стилю идеально совпадал с орнаментом браслета.

Закончив рисовать, паренек закрыл маркер колпачком, все еще зажатый в зубах, и склонился над ее запястьем. Он подул на него – легко, чуть заметно, но от этого дуновения у Новы побежали мурашки.

Рисунок ожил, отделился от кожи, обретая объем и форму. Тонкие линии слились с краями браслета, так что Нова не могла бы сказать, где кончается настоящий браслет и начинается нарисованная застежка.

Хотя нет – не совсем так. При ближайшем рассмотрении обнаружилось, что новая застежка не в точности повторяет цвет браслета. В ней был заметен розоватый оттенок и даже чуть заметные голубые прожилки на том месте, где рисунок пересек вену под кожей.

– А что с камнем? – деловито просил парень, поворачивая ее руку и постукивая маркером по пустующей ямке, некогда предназначавшейся под драгоценный камень.

– Его тут и не было никогда, – буркнула Нова.

– Хочешь нарисую?

– Нет, – она отдернула руку. Подняв глаза (как раз вовремя, чтобы заметить его удивленный взгляд), она поспешно договорила, – Нет, спасибо.

Парнишка, кажется, собирался уговаривать ее, но передумал и улыбнулся.

– Как хочешь, – он небрежно сунул маркер в карман.

Нова покрутила рукой в разные стороны. Застежка держалась.

В располагающей улыбке наблюдавшего за ней парня появился чуть заметный оттенок – гордость.

Одаренный, это ясно. Но еще он...

– Отступник? – она сделала усилие, чтобы голос не звучал враждебно.

– *Отступник?* – повторила Ингрид в наушнике. – Ты с кем там болтаешь, Нова? Почему ты не...

Ингрид не закончила, а юноша не успел ответить Нове, потому что зрители принялись вопить с новой силой и взорвались шквалом аплодисментов. Над платформами теперь запускали фейерверк, и залпы сливались с восторженным ревом толпы.

– Похоже, что главные герои прибыли, – без особого интереса заметил парень, глядя на платформы через плечо.

В ухе затрещал голос Фобии.

– Западная точка, Кошмар. Западная точка.

Вспомнив о своей задаче, Нова подскочила.

– О, скоро.

Парень не расслышал:

– Вообще-то, я не Оскар. Адриан.

На переносице, над оправой очков, у него появилась морщинка.

Нова отступила на шаг.

– Мне нужно идти.

Резко развернувшись, она бросилась бежать, растолкав локтями компанию почитателей Отступников в карнавальных костюмах.

– На той неделе испытания Отступников! – воскликнул один из них и ткнул ей в руки листок бумаги. – Вход свободный! Приходи сам, приводи других!

Нова смяла рекламку и не глядя запихнула в карман.

– Не стоит благодарности! – раздалось сзади.

Она не обернулась.

– Цель в настоящее время движется мимо Альткорпа, – известил Фобия, когда Нова нырнула в тень закоулка. – Доложи обстановку, Кошмар.

Убедившись, что в переулке никого нет, Нова откинула крышку мусорного бака и перегнулась через край. Вместительная спортивная сумка дожидалась ее там.

– Как раз забираю свои вещи, – сообщила она, вытаскивая сумку, бросила ее на землю, захлопнула крышку бака. – Буду на крыше через две минуты.

– Лучше через одну, – сказал Фобия. – Все-таки тебе предстоит уложить супергероя.

Глава вторая

Нова забросила сумку за спину и дотянулась до утяжеленной грузом веревки, приготовленной ею накануне. Вербка проходила через шкив, расположенный на крыше здания, а к обоим ее концам морскими узлами были привязаны грузы. Намотав веревку на руку, Нова развязала узел на одном конце, и груз тяжело упал на землю.

Груз, закрепленный на другом конце, рванулся вниз. Нова легко взмыла вверх, вдоль бетонной стены здания и резко остановилась на высоте шестого этажа...

До шкива оставалось всего несколько дюймов. Нова ухватила за бортик и подтянулась. Припадая к крыше, она расстегнула сумку, извлекла костюм, который придумала сама и соорудила с помощью Королевы Пчел. Опоясала бедра широким оружейным ремнем со специальными кармашками и крючками для всех ее любимых изобретений. Затем наступил черед облегающей черной куртки с капюшоном. Водонепроницаемая и огнеупорная, но при этом легкая, как перышко, она не сковывала движений. Нова застегнула молнию под горло, натянула рукава до костяшек пальцев и только тогда надела капюшон. В шов были зашиты грузики, которые удерживали капюшон, не давая ему соскальзывать со лба.

Наконец настала очередь маски. Твердая, металлическая, она идеально сидела на переносице и, закрывая лицо, скрывалась за поднятым воротником куртки.

Закончив переодевание, Нова достала из сумки винтовку и единственную пулю – точнее, отравленный дротик.

– Где ты, Кошмар? – спросил Фобия.

– Я на крыше. Почти на позиции.

Нова подошла к самому краю крыши и посмотрела вниз, где продолжался праздник. Здесь было немного потише – шум толпы заглушали завывания ветра и гудение электрогенераторов. Улица была пестра от конфетти, флажков, воздушных шариков и ярких костюмов, снизу доносились крики, смех и музыка.

Нова зарядила винтовку пулей-дротиком.

Операцию планировал Фобия, и это был план, прекрасный в своей простоте. Когда он рассказал о нем группе, Уинстон разворчался было из-за того, что его не включили, но Фобия высказался в том смысле, что Уинстон (большинству известный, как Кукловод) не выносит, чтобы что-то было просто.

Сегодня в деле их было только трое. Больше им никто не требовался. У Новы была единственная отравленная пуля, изготовленная вручную Лероем Флинном, их собственным специалистом по ядам. Ей и нужна была только одна. Если она промахнется, второго шанса все равно не будет.

Но она не должна промахнуться.

Она убьет Капитана.

После выстрела Ингрид, Детонатор, выскочит откуда ни возьмись из засады и забросает платформу Совета своими фирменными бомбами – изготовленными из атмосферного водорода – чтобы дать ей, Нове возможность скрыться. Фобия сосредоточится на Гром-птице, так как в бою та обычно взмывала в воздух – несправедливо, что у нее такое преимущество. Анархисты прослышали, что Гром-птица до смерти боится змей, и исходили из того, что эти слухи правдивы – ведь змеи были одним из коньков Фобии. При самом плохом раскладе страх должен был парализовать ее на некоторое время, чтобы Нова и Ингрид успели смыться. Лучший вариант: сердечный приступ и обморок прямо в полете.

Вот и все. Совет, пятеро исконных Отступников – все будут уничтожены сразу.

Но прежде всего Нове нужно было одолеть хваленую неуязвимость Капитана.

– Гхм... Кошмар?

– Я на месте, Детонатор. Расслабься.

– Да, я вижу тебя там, наверху. Но... Разве Фобия велел тебе быть не на западной точке?

На миг Нова застыла. Потом окинула взглядом крышу, потом на проем между этим зданием и жилым домом на другой стороне улицы, где дожидалась вторая, не использованная, веревка с грузами. Она прищурилась на полуденное солнце – и выругалась.

В ухе застрекотал голос Фобии.

– Только не говори, что забралась не на тот дом.

– Да отвлекли меня тут, не вовремя, – процедила она сквозь стиснутые зубы.

Фобия вздохнул.

– И недели работы над планом пошли псу под хвост.

– А не сможет она поразить цель с западной крыши? – спросила Детонатор.

Помолчав секунду, Фобия ответил:

– В Черного Огня или Цунами – легко, но только не в Капитана. Парад свернет раньше, чем она сможет прицелиться.

– Ну ладно, уберем одного члена Совета, хоть что-то. А за другими придем в другой раз.

– Нашей целью был Капитан. Все было задумано именно для того, чтобы уничтожить *Капитана*.

– Один Отступник все же лучше, чем ничего.

– Это не изменит того факта, что наш план провалился.

Облизнув губы, Нова смотрела на другую крышку, прикидывая расстояние между домами.

– Успокойтесь все. Я смогу оказаться на нужной точке. Фобия, сколько у меня времени?

– Маловато, – прорычал он.

– *Сколько?*

– Десять секунд до того, как платформа окажется в основной зоне прицела, да еще секунд сорок пять до выстрела.

Нова схватила сумку и перебросила через проулок. Послышался глухой удар – это сумка упала на крышу.

– Я бы тебе не советовал, – протрещал в наушнике голос Фобии.

– Пусть попробует, – возразила Детонатор. – Если свалится, сама будет виновата.

– Я не упаду, – пробормотала Нова. Закрепив винтовку на спине, она достала из кармашка на ремне пару перчаток. Сунув в них руки и застегнув пряжки, она большими пальцами надавила кнопки на запястьях. Ток пробежал по черной коже перчаток, приводя в действие вакуумные присоски на ладонях и пальцах.

Девушка еще раз оценила расстояние. Отошла к дальнему краю крыши. Сделала вдох.

И побежала.

Башмаки тяжело прогрохотали по крыше. Воздух свистел в ушах, раздувал капюшон. Она оттолкнулась правой ногой и прыгнула.

Приземлилась, ударившись животом о край кирпичной стены по другую сторону переулочка. Тело пронизала острая боль. Со стоном Нова поспешно прижала ладони к стене, чтобы не заскользить вниз.

В наушниках раздался пронзительный радостный вопль Ингрид.

Фобия не издал ни звука, пока Нова не вскарабкалась на восточную стену, а потом сказал только:

– Визуальный контакт через четыре секунды.

Отключив давление на перчатках, Нова подождала, пока присоски втянутся к ткани, и снова надвинула капюшон на лицо, стянула со спины винтовку. Обойдя лифтовую шахту, она оказалась на краю крыши. Кровь с силой билась в висках. Платформу Совета пока не было видно, однако по всплеску воодушевления внизу было ясно, что она вот-вот покажется.

Не обращая внимания на пульсирующую боль в том месте, которым она ударилась о стену, Нова опустилась на одно колено и приладила ствол на выступ крыши. Потом еще раз проверила заряд.

– Готова.

– Молодчина, Кошмар, – сказала Детонатор.

– Она еще ничего не сделала, – отозвался Фобия.

– Знаю, но разве не классно, что в команде снова есть стрелок?

– Она пока никак себя не показала.

– Может, хватит уже? – проворчала Нова, стаскивая перчатки и снова закрепляя их на ремне.

Далеко внизу показалась платформа Совета. Это была исполинская многоярусная конструкция с пятью пьедесталами, вздымающимися из темной грозовой тучи. Самой настоящей грозовой тучи, с громом и молниями – похоже, они и впрямь считали себя богами или чем-то в этом роде.

Нет, вы только посмотрите на них. Они точно вообразили себя божествами.

Гром-птица – неподражаемая Тамайя Раи – стояла на первом пьедестале, расправив громадные черные крылья на всю ширину платформы, ветер играл ее длинными темными волосами. Она напоминала вырезанную фигуру на носу корабля. Время от времени она метала молнии, чтобы озарить тучу под ногами.

Впрочем, молниям было не затмить супергероя, стоявшего на втором пьедестале. Черный Огонь без усталости запускал в воздух фейерверки и световые вспышки, под аханье и крики зевак. Эвандер Уэйд, шести футов ростом, с рыжей бородой и завитыми усами, всегда казался Нове похожим больше на лепреккона-переростка, чем на супергероя. Но очевидно и у него имелись преданные фанаты, и дикие вопли из толпы это подтверждали.

Что до Касуми Хасегавы, то она, казалось, вообще не замечала, что находится на шумной улице и участвует в параде. Впрочем, Цунами всегда выглядела так же отрешенной – погруженной в собственный мир, с загадочной холодной улыбкой на губах. Сейчас она просто стояла, раскинув руки и едва шевеля пальцами, а поток воды, в которой плескались разноцветные коралловые рыбы, обивался вокруг нее, точно лента, в гипнотическом танце. Струя, состоящая из водяной пыли, брызг и рыбок, вращалась и закручивалась спиралью во всех направлениях.

Показался четвертый пьедестал – на первый взгляд, пустой. Это означало, что там находится Саймон Вествуд. И, кто бы сомневался, Укротитель Ужаса почти сразу же стал видимым, приняв позу Мыслителя. Спустя секунду он снова исчез, чтобы вновь возникнуть – на этот раз в стойке на руках, а потом на одной руке. Еще миг, и он опять стал невидимым. При его новом появлении зрители зашлись от хохота, так как он стоял не у себя, а на пятом, самом высоком пьедестале, и пальцами ставил рожки Капитану Хром.

Рядом они казались разными, как день и ночь. Саймон Вествуд оливково-смуглый брюнет с коротко стриженной бородкой и буйной шевелюрой, Хью Эверхарт, обожаемый в городе Капитан – олицетворение мальчишеского обаяния, золотоволосый и с ямочками на щеках.

Капитан Хром с деланным испугом оглянулся через плечо на Укротителя Ужаса. Они обменялись полными нежности взглядами. Нова была слишком мала и не помнила, был ли в городе скандал, когда два исконных Отступника объявили, что любят друг друга – и было ли вообще ими сделано какое-то объявление. Может, просто все так и *было*, с самого начала. Так или иначе, подумала Нова, мир тогда лежал в руинах и людям попросту было не до таких мелочей, а за это время Капитан Хром и Укротитель Ужаса успели стать всеобщими любимцами. Бульварные газеты вечно перемывали им кости: то гадали, не собирается ли звездная парочка усыновить еще одного ребенка, то объявляли об их намерении выйти из Совета и перебраться в тропики, то раскапывали грязные тайны из прошлого, грозившие их разлучить.

Однако, судя по их сладеньким улыбкам, Нова очень сильно сомневалась, что у этих слухов были хоть какие-то основания – от этой мысли она скрипнула зубами.

За что *им* такое счастье, разве они его заслужили?

Девушка устроилась на позиции, рассчитала расстояние и угол, не выпуская из руки оружие.

Укротитель Ужаса вновь исчез, после чего вернулся на собственный пьедестал, и Капитан остался один – король перед своими верными подданными. Его облик был знаком Нове, как ее собственное отражение в зеркале. Золотистые волосы вьются, обрамляя высокий лоб. Могучая мускулистая грудь, на широких плечах синие нашивки. И улыбка победителя, а зубы – такие белые, что, казалось, солнце высекало из них искры.

Под оглушительное крещендо восторженных криков Капитан направился к стойке рядом с пьедесталом. Схватив длинную металлическую пику, он поднял ее над головой. Одновременно с этим в воздухе взорвался фейерверк Черного Огня, озарив все вокруг золотистым светом.

У Новы все оборвалось внутри.

– Как же...?

– Не думай об этом, – сказал Фобия.

– О чем не думать? – заинтересовалась Ингрид.

Не в силах ответить, Нова сглотнула, пытаясь избавиться от кома в горле.

Капитан Хром, супергерой и обожаемый массами Отступник, крутил на конце пики шлем Аса Анархии. Когда-то он вмялся тому в череп. А материал бронзового цвета, еще до рождения Новы извлеченный из воздуха чуткими пальцами ее отца, разлетелся тогда на осколки.

В наушниках в который уже раз зазвучал голос Ингрид – увидев, что происходит на платформе, она сочувственно ойкнула. Но Нова этого не услышала.

Она снова была шестилетней девчонкой. Испуганной. Ошеломленной. Она снова заглядывала в глаза, видные в прорезях шлема, бросалась в объятия дяди.

Отступники тогда так и не пришли, а пришел он. Да, он тоже опоздал и не спас ее семью, но все-таки пришел. И спас *ее*.

– Я сказал, не думай об этом, – чуть не рычал Фобия.

– Я и не думаю.

Нова расправила плечи.

– Думаешь.

– Все нормально, Кошмар, – включилась Ингрид. – Ты же делаешь это для Аса, да? Используй свой гнев. Воспользуйся случаем, отомсти им.

Нова молчала. Мир затих и стал безмолвным. Безмятежным. Черно-белым.

Она заглянула в телескопический прицел, выверяя наводку.

Бить нужно в глаз. Попади она в любое другое место, из-за слоя хрома у него под кожей пуля срикошетит, и яд не попадет в кровеносную систему.

Поэтому все должно быть проделано безупречно.

И она справится.

Годами она готовилась к этому мгновению.

Используй свой гнев.

Это была не только месть за Аса, хотя, если подумать, хватило бы и ее. Это была месть за родителей и сестру, которых Совет мог спасти, но не спас.

А еще она делала это, чтобы влить новую силу в мечту Аса. Он мечтал о свободе для *всех* Одаренных, не только для тех, кто стелился перед этими самозванцами из Совета и их деспотичными законами.

Нова знала, что Совет не оправдывал надежд – ни тогда, ни даже сегодня, сейчас – и, хотя никто не хотел говорить об этом, но всем было бы лучше без них.

Казалось, внизу все стихло – уличный шум заглушала решимость, барабаном стучавшая у Новы в голове. Глаз Капитана появился на мушке. Неправдоподобно голубой, с мелкими морщинками в уголке, когда Капитан улыбался. Он уже не был молодым, как в те дни, когда он собрал вокруг себя Отступников. Годы брали свое, и члены Совета постепенно старели, передавая свои заветы подрастающему поколению.

– Поехали, – шепнула себе Нова. *Вдох.* Палец прижат к спусковому крючку.

Они старели, но по-прежнему контролировали все. Сохраняли всю полноту власти. Власти у них, пожалуй, было побольше, чем раньше, когда они по ночам патрулировали улицы в поисках злодеев и преступников.

Больше, чем когда он отнял этот шлем у законного владельца.

Выдох.

– Давай же, Нова.

Вот придут Отступники.

Нова прищурилась.

– Что не так? – спросила Детонатор.

– Все нормально, – Нова облизала губы. Опять взяла прицел. Платформа уже плавно сворачивала за угол. Скоро она скроется из виду. Капитан вот-вот ускользнет от нее, вместе со своей обаятельной улыбочкой, и будет приветствовать поклонников на соседней улице.

Это лучшая возможность убрать Капитана, а вскоре за ним последует и остаток Совета.

И пока Отступники будут метаться в поисках тех, кем бы их заменить, Анархисты снова восстанут. На этот раз, без помех вроде бандитских шаяк, они покажут этому городу, что такой истинная анархия. Настоящая свобода. Настоящая личная ответственность. Для *каждого*.

Все, что ей нужно сделать, это нажать на спусковой крючок.

Краем глаза Нова заметила какое-то насекомое. Она шикнула, отгоняя его.

Снова отыскала цель.

Капитан шевельнулся, немного повернул голову в ее сторону.

Лучшей цели и желать нельзя.

Нова выдохнула. Палец начал движение.

Что-то опустилось на дуло винтовки. Замерев, Нова посмотрела – на самом конце ствола, помахивая крыльями, сидела крупная, черно-оранжевая бабочка.

Нова подняла взгляд выше.

В небе над ней клубилось облако бабочек-данаид – сотни, а может быть, тысячи ярких золотистых крыльев. Они вихрем кружили над ней, то снижаясь, то вздымаясь вверх.

– У нас гости.

В наушниках тишина, а потом вопрос:

– Отступники?

Она не ответила. Платформа сворачивала. Пять секунд, может меньше.

Нова снова нашла в прицеле Капитана, его чудесные волосы, его безукоризненную улыбку, его прекрасные голубые глаза...

Точно между ними в небо поднялась связка воздушных шариков с изображениями Отступников на каждом.

Она переждала, не шевелясь. По шее текли струйки пота.

Шары пролетели.

Капитан Хром поднял глаза, казалось, он смотрит *прямо на нее*.

Она выстрелила.

Капитан повернул голову, буквально на волосок.

Стрелка удачи в висок. В прицел Нова видела, как выскочила игла.

Капитан Хром резко дернулся, вот он уже осматривает крыши, сигналил своим соратникам. Ругаясь, на чем свет стоит, Нова пригнулась.

В воздухе мелькнула красная петля на тонкой проволоке. Она обвилась вокруг винтовки и стремительно скрылась вместе с оружием.

Нова вскочила на ноги.

На краю крыши стояла девчонка-подросток, бледная и веснушчатая. В одной руке она сжимала винтовку Новы, в другой – красную проволочную петлю. На ней была форма Отступников – облегающий, темно-серый комбинезон из лайкры, закрывающий ее от шеи до ботинок, с алой буквой О слева на груди. Волосы – путаница из выбеленных и черных, как вороново крыло – небрежно стянуты на затылке в лохматый хвост.

Рядом с ней роились бабочки, поднимая крыльями вихрь, они собирались все плотнее, пока не собрались вместе, превратившись в еще одну девицу, точно в таком же сером костюме. Ее лицо обрамляли длинные белокурые дреды.

Красная Убийца и Данаида.

Нове уже однажды довелось с ними столкнуться – она тогда забралась в маленькую аптеку, чтобы добыть нужные Лерою реактивы, а Отступники пытались ей помешать. Впрочем, их было больше, чем в этот раз.

Нова приподняла бровь.

– Где же остальные? Валяются под столами в пивнушке?

Не успев договорить, она услышала скрежет, и металлическая решетка над шахтой лифта со скрипом поднялась.

Из шахты выбрался третий Отступник – загорелый парень с шапкой густых черных волос. Он слегка прихрамывал и шел, опираясь на палку. Следом за ним вились полупрозрачные струйки дыма.

Дымовой Щит.

Нова криво усмехнулась, приподняв угол рта.

– Вот это *немного* похоже на прошлую встречу.

В ухе затрещал голос Детонатора.

– Что там происходит?

Нова не ответила.

– Кошмар, – заговорил Дымовой Щит, чуть заметно кивнув, – Давно не виделись.

– А ты, видно, хотел бы не встречаться подольше, – положив руки на ремень, Нова незаметно отстегнула две метательные звезды с тепловым самонаведением (за лето она идеально отладила это свое изобретение).

Обе звездочки она метнула в Красную Убийцу, зная, насколько опасна эта ее петля. Красная увернулась. Данаида снова рассыпалась смерчем из бабочек.

Нова не успела отвернуться – в лицо ударила струя черного дыма. Мгновенно ослепнув, она попятилась.

– Кошмар, доложи обстановку, – потребовал Фобия.

Тихо зарывчав в ответ, Нова нащупала за ухом передатчик и отключила связь.

Заставив себя открыть воспаленные глаза, она увидела желтую вспышку – в следующий миг рядом с ней уже стояла Данаида. Коленом она нанесла Нове в бок удар такой силы, что та, упав на бетон, откатилась. Успев сгруппироваться, Нова мигом вскочила на ноги, стараясь не обращать внимания на боль в ребрах, смаргивая застилающую глаза пелену слез.

Что-то зацепило ее за шею у самого подбородка – трость Дымового Щита. Дернув Нову назад, он рывком подтянул ее к себе вплотную, лицом почти касаясь ее капюшона. Богатырем парня нельзя было назвать, зато руки у него оказались крепкие, как из железа.

– Конец твоим злодеяниям, Кошмар.

Она хмыкнула.

– Ну и выражения. Ты читаешь слишком много комиксов.

Нова ощупала его руки, сжимающие концы трости, но все впустую: длинные рукава формы внахлест перекрывались перчатками, не оставив ни дюйма голой кожи.

Дымовой Щит усилил хватку

– Ты работаешь одна?

Тем временем Красная Убийца ухитрилась поймать проволочной петлей одну из звезд и сбросить в вентиляционную шахту. Вторая звездочка бумерангом пролетела над переулком и вернулась. Красная раскрутила перед собой проволочную петлю с рубином на конце. Заставив звезду врезаться в бетон, она с силой припечатала ее кристаллом сверху, так что та больше не поднялась.

Тяжело дыша, Красная высвободила свой рубин. Раскрутив петлю над головой, как лассо, она повернулась лицом к Нове и Дымовому Щиту.

Нова нахмурилась. Столько трудов, и все впустую.

Рядом снова сформировалась Данаида, скрестив на груди руки.

– Мне кажется, Дымовой Щит задал тебе вопрос.

– Ах, простите, – огрызнулась Нова. – Я отвлеклась – мечтала о ваших похоронах.

Ухватившись за трость, она резко нагнулась и перебросила парня через голову. Дымовой Щит со стоном упал на бетон.

Вырвав у него трость, Нова ударила Данаиду по коленям, и та свалилась.

Красная Убийца метнула в Нову рубин. Проволока обвилась вокруг ее щиколотки, сбив с ног, и протасила ее по шероховатой крыше. Нова попробовала снять с ремня еще одну метательную звездочку, но не успела – Красная Убийца коленом придавила Нову к полу и выхватила кинжал из того же рубинового кристалла, что и петля. Острие кинжала уперлось Нове в шею.

– На кого, – заговорила Красная Убийца, четко выговаривая каждый слог, – ты работаешь?

Чувствуя, как кинжал упирается прямо в пульсирующую на шее вену, Нова невольно улыбнулась под маской.

– На самый страшный из твоих кошмаров, – прошептала она, нащупав пальцами голую щиколотку Красной чуть выше башмака. Она позволила энергии течь в полную силу. Лезвие ткнуло ее в шею, и за воротник потекли первые капли крови, но тут Красная Убийца закрыла глаза и, обмякнув, рухнула рядом с ней.

По крыше распозалась белая туманная дымка. Нова огляделась, но туман сгустился уже настолько, что Дымового Щита было не разглядеть. Сев, она освободила ногу от проволоки и подняла кинжал. Он был легче всех ножей, какие ей доводилось держать, и, казалось, был выточен из цельного рубина – вот только настоящий камень был бы намного тяжелее.

Непонятно, что за материал использовала Красная Убийца для своего неповторимого оружия, но – и сейчас это было для Новым самым важным – кинжал оказался очень острым.

Снова поднявшись на ноги, Нова пыталась что-то рассмотреть сквозь клубы белого, ничем не пахнущего дыма, прислушивалась, не дадут ли о себе знать Дымовой Щит или Данаида. Казалось, туман, как вата, приглушил все ее чувства. Здесь пригодились бы инфракрасные очки. Надо будет подготовить такие к следующему разу.

Нова разглядела темное пятно – это ее сумка. Оглядевшись еще раз, она схватила сумку и забросила на плечо.

Данаида с развевающимися дредами появилась из ниоткуда и попыталась врезать Нове в челюсть. Пригнувшись, Нова плечом двинула Данаиде в живот. Отступница согнулась, и Нова ткнула перед собой рубиновым лезвием, но кинжал не встретил плоти: в ту же секунду Данаида снова рассыпалась на мириады порхающих крылышек.

Дым понемногу рассеивался, и Нова заметила у соседнего дома расшатанную пожарную лестницу. Засунув кинжал за ремень, она разбежалась и прыгнула. Ухватившись за металлический брус ограждения, она перелезла через него на пожарную лестницу. Ветхие металлические ступени жалобно заскрипели под ее весом.

Сквозь туман до нее долетел голос – это было Дымовой Щит.

– Данаида!

Нова чуть притормозила, оглянулась и увидела, что вновь возникшая Данаида зажимает порез на бедре. Серая ткань комбинезона потемнела от крови.

Закинув сумку за спину, Нова через две ступеньки припустила по лестнице вверх.

Добравшись до крыши, она не мешкая бросилась на противоположную сторону.

Она была примерно на полпути, когда снизу с улицы прыгнула темная фигура, зависнув над крышей выше футов на двадцать, не меньше. Нова остановилась, тяжело дыша в маске.

Фигура с грохотом опустилась на крышу перед ней.

На ней был не знакомый графитно-серый комбинезон, а нечто совсем другое, похожее на боевое облачение: руки и ноги защищены, на твердой оболочке очерчена каждая мышца, голова закрыта шлемом, лицевое стекло тонировано. На груди горела алая буква «О», но такого скафандра Нова ни видела прежде ни у кого из Отступников.

Нова не видела глаз, но физически ощущала, как он сверлит ее взглядом. Она отступила на шаг, оглядела незнакомца с головы до ног. Нигде ни клочка обнаженной кожи, только узкие швы между армированными пластинами. Если он и был уязвим, то, скорее, для более традиционных атак.

– Ты, похоже, новичок, – произнесла она.

Он мотнул головой.

– Я здесь достаточно давно, чтобы знать, кто ты такая... Кошмар.

Пальцы Новы шарили по ремню, но сейчас у нее не было уверенности, что хоть какое-то ее из орудий сможет с ним справиться.

– Мне зарыдать от счастья?

Незнакомец не успел ответить. Эхом отражаясь от окружающих их высотных зданий, по улицам Гатлона разнесся взрыв пронзительного хохота.

Нова досадливо поморщилась.

– Что там за идиот?

Глава третья

Незнакомец в армированном костюме тоже повернул голову на смех, и в этот момент снизу поднялся громадный аэростат. На шаре был изображен черно-белый арлекин, а поверх рисунка красовался символ Анархистов кислотно-зеленого цвета. В корзине аэростата оказался всего один человек – мужчина в клетчатом костюме, с копной рыжих волос, нарумяненными щеками и темными линиями, идущими от уголков рта вниз по подбородку – грим, изображающий марионетку.

Кукловод – это был он – стоял на бортике корзины, ухватившись за канаты. Корзина под ним качалась и подпрыгивала.

– Эй, *Отсту-у-упники*, – вопил он нараспев, – Кто-нибудь хочет со мной поиграть?

Радостные крики внизу теперь звучали испуганно, а человек в корзине снова расхохотался. Простирая руку над толпой, он высунулся так далеко, что, казалось, вот-вот выпадет из корзины.

– Абракадабра!.. *У-у-у!*

Восемь сверкающих золотых нитей каскадом обрушились на толпу с кончиков его пальцев. Нова не видела, куда они попали, но была уверена, что Кукловод постарается отыскать в толпе нескольких ребятишек. Тех, кто от прикосновения нитей-струн превратится в послушных марионеток. За все эти годы она так и не узнала, только ли на детей распространялась его власть, или они просто больше ему нравились, потому что четырехлетний карапуз с пустыми глазами – это же чертовски, отвратительно, жутко.

– Осалил! – Кукловод спустился ниже. – Тебе водить!

Вопли снизу становились громче.

– Твой дружок?

Нова покосилась на незнакомца в армированном костюме.

– Я бы так не сказала.

Кукловод разразился новым взрывом хохота, в ответ незнакомец сжал кулаки. Вообще-то Нове было понятно его раздражение. Она и сама была не самой горячей почитательницей Уинстона Прэтта, причем с шестилетнего возраста ее отношение к нему не изменилось к лучшему.

Одним движением Нова перебросила сумку на грудь и пошарила в поисках стреляющей сети, которую смастерила в одиннадцать лет из игрушечной базуки. Незнакомец повернулся к ней в то самое мгновение, когда она подняла ружье и нажала на курок, выпустив в его сторону нейлоновую сеть. Восемь продольных нитей разлетелись в стороны, как щупальца осьминога. Незнакомец от неожиданности попятился и инстинктивно поднял руку, защищаясь от падающей на него сети.

Он упал на колени. Сеть опутала его, сковав движения рук и ног. Шлем вертелся из стороны в сторону в попытках освободиться, но при каждом движении хватка становилась только крепче.

– Ну, приятно было познакомиться, – сказала Нова, убирая базуку в сумку. Неторопливой рысцой она пробежала мимо него к краю крыши, готовясь перепрыгнуть на другую.

– Мы не договорили.

Она оглянулась. Незнакомец ухватился пальцами за узлы сети, от них уже начали подниматься струйки дыма. Неожиданно сеть полыхнула огнем. Языки пламени лизали нейлон, сеть почернела и начала отваливаться целыми кусками, превращаясь в хлопья.

Не дожидаясь, пока стгорит вся сеть, он рванул дыру пальцами и выбрался из пут, оставив их тлеть на бетонной крыше.

Подойдя к краю, он пристально посмотрел на Нову.

В ответ девушка только пренебрежительно фыркнула.

– Ах-ах, до чего оригинально. Еще один огненный элементаль. Не такая уж редкость, впрочем, классику трудно критиковать.

Незнакомец опустил на колени, согнулся, и вдруг взмыл в воздух, прямо у Новы над головой. Она проследила глазами за его полетом – описав дугу, он опустился на соседнюю крышу у нее за спиной. Хотя посадка была мягкой, крыша все равно содрогнулась под тяжестью его брони.

У Новы вытянулось лицо.

Огненный элементаль в шикарном антигравитационном костюме... или Одаренный, наделенный поразительной скоростью и силой, который попутно может еще и предметы жечь... или это супергерой с разнообразными способностями. Она и не догадывалась раньше, что такое возможно.

Над головой скользнула тень – туча бабочек-данаид медленно уплотнялась, превращаясь в девушку.

Пока Данаида обретала форму, Нова переводила взгляд с нее на незнакомца. Она очутилась между ними, как в ловушке.

Ловушки ей не нравились.

Данаида хмуро взглянула на незнакомца в броне. Нога выше колена у нее была кое-как перевязана куском серой ткани от форменного костюма.

– Кто ты такой?

Тот ответил не сразу, а когда заговорил, Нова могла бы поклясться, что он понизил голос и напустил на себя вид этакого праведника.

– Я Страж.

Нова засмеялась.

– Серьезно?

Наблюдатель настороженно повернул к ней голову, и ей показалось, что грудь у него расправилась.

– Друг? – кивнув в его сторону, спросила Данаида у Новы.

Девушка крепче ухватилась за ручки сумки.

– Я не настолько дружелюбна. Да и вообще, на нем же *ваш* фирменный знак.

Данаида, щурясь, уставилась на красную букву «О» на груди Стража.

Насладившись растерянностью Данаиды, Нова метнула сумку в голову Стражу, а сама бросилась на нее с красным кинжалом. Она целилась в живот, но не попала, а навстречу взметнулся вихрь из бабочек. Взревев от негодования, Нова снова и снова рубила перед собой кинжалом, но в конце концов только и смогла, что рассечь пополам одну-единственную бабочку.

Разочарованно вздохнув, она смотрела на легкое пятнышко пылицы, оставшееся на лезвии.

Кто-то обхватил ее двумя руками, прижал локти к бокам. Дымовой Щит тоже был силен, но этот парень – стальной!

А может, все дело в его костюме...

Стиснув зубы, Нова с силой лягнула Стража. Тот взвыл и, задев ногой идущие вдоль края крыши низкие перила, споткнулся. Нову он при этом так и не выпустил.

Нова ударила еще раз, и они вместе перевалились через бортик. На миг они повисли в воздухе, по-прежнему составляя единое целое.

Падение на соседнюю, более низкую крышу сопровождалось ударом, который отозвался у Новы в каждой косточке. Под ними что-то с треском разбилось.

Превозмогая боль, она откатилась от Стража, разжавшего, наконец, свои объятия, и, дрожа, скорчилась на каком-то коврикe, точнее, на соломенной циновке. Девушка огляделась. Они попали в крохотный садик на крыше, с плетеной мебелью и растениями в горшках – одно

из них, раздавленное, и лежало сейчас под Стражем. У стены, с которой они только что свалились, журчал фонтанчик.

Нова поискала глазами аэростат Кукловода. Стены домов на авеню ритмично вспыхивали, освещенные мигающими красными лампами. Видно, Черный Огонь старается сбить с толку Кукловода, а может, Гром-птица пускает световые стрелы, пытаясь сбить аэростат... или оглушить током злодея. Или то и другое вместе.

Вернулись бабочки, закружили над головой темным облачком. Страж перевернулся на бок и попытался встать.

– Приветик, Страж, – подала голос Нова, крепче сжав рукоять кинжала.

Он взглянул на нее снизу.

Она воткнула нож в небольшой зазор между пластинами на груди и плече.

Наблюдатель со стоном оттолкнул ее. Неловко изогнувшись, он уперся одной ладонью в пол, а вторая вдруг запылала, охваченная оранжевыми языками огня. Он развернул горящую руку к Нове.

Нова пригнулась, глубже натянула капюшон. На спину ей обрушился поток пламени. Она *знала*, что сделать материал костюма огнеупорным – хорошая идея.

Дикий крик боли чуть не оглушил ее.

Выглянув из-под капюшона, Нова увидела, как бабочки снова уплотняются в тело Данаиды. Множество золотистых насекомых сгорело в языках пламени, и левый бок девушки, от ребер до бедра покрывали хлопья пепла. Форменный костюм на ней почернел и курился дымом, а в воздухе стоял жуткий запах паленой плоти.

Лязгнула и заскрипела пожарная лестница на боковой стене здания. Цепляясь своей тростью за край крыши, снизу появился Дымовой Щит. Тяжело дыша, он подтянулся и взобрался на крышу. Его темные волосы прилипли ко лбу. При виде происходящего он вытаращил глаза.

– Данаида?

У ног Новы что-то звякнуло. Рубиновый кинжал с лезвием, темным от крови.

Нова не стала оглядываться, а просто побежала. Вскочив на бортик журчащего каменного фонтана, она ловко забралась обратно на крышу, с которой падала. За спиной раздавались отрывистые команды – это Страж велел Дымовому Щиту помочь Данаиде, и полный недоверия голос Дымового Щита, который повторял: «Чтоб тебя, да кто ты такой, вообще?»

В небе снова показалась корзина Кукловода.

– Лови! – закричала Нова.

Кукловод увидел ее, но и не подумал поймать сумку, которую Нова швырнула в корзину.

– Добрый день, Кошмарик, – сказал Уинстон, – Какой очаровательный сюрприз. А я как раз выбрался, решил немного... полетать.

Откинув голову, он залился веселым смехом. Полосы кукольного грима придавали его лицу еще более жуткий вид.

Руки его до сих пор были простерты над толпой, золотые нити-паутинки играли, забавлялись с беспомощными детьми внизу. Выглянув вниз, Нова заметила девочку с косичками – та вгрызлась в ногу седого мужчины, может быть, собственного деда.

Поморщившись, Нова встала на краю крыши.

– Кинь мне веревку.

Кукловод замолчал и уставился на нее пустыми, ничего не выражающими глазами.

– А за тобой хвост.

Ее схватили за локоть, рывком развернули. Страж, сомкнув руки на ее горле, надавил, так что она отклонилась назад, но крепко держал, не давая ей упасть на улицу.

– Ты пыталась убить Капитана Хрома, – прогремел его голос. – Почему? Кто тебя подговорил? Что еще они замышляют?

Укротитель Ужаса, разумеется, стал невидимым, а Цунами упорно пыталась захватить детей-марионеток пенистой приливной волной – да только зачарованным ребятишкам, казалось, не было никакого дела до того, что они могут утонуть в толще воды.

Нова искала Капитана Хрома, но в толчее и суматохе его нигде не было видно.

Все это время над городом разносился трескучий смех Уинстона. Судя по его ликованию, он откровенно развлекался происходящим.

Нова поднесла к уху руку и включила передатчик.

– Кошмар на связи. Детонатор, Фобия, где вы?

Голос Фобии прозвучал бесстрастно и ровно.

– Где ты находишься?

Нова оглянулась на крышу, от которой аэростат отплыл примерно на полквартиры, но ни Отступников, ни Стража видно уже не было.

– Я завела новых друзей, – ответила она.

Ее отвлек шум сверху – в голубом небе появились черные крылья Гром-птицы. Ее лицо было перекошено от ярости, в руке потрескивала светящаяся белым молния.

Нова выругалась.

– О, птичка-невеличка, привет! – захихикал Уинстон.

Гром-птица подняла свободную руку и направила ладонью на его шар. Раздался хлопок, и аэростат отбросило назад. Корзина врезалась в стену дома. Нова, не устояв на ногах, снова упала на дно.

Уинстон ловко поднялся, держась одной рукой за канат и продолжая шевелить золотистыми нитями, заставляя детей внизу делать что-то по его воле – как знать, что именно?

– Ай-яй-яй, – заговорил он, подражая ребенку, – Толкаться невежливо. Ты должна попросить прощения.

– Отпусти детей, сейчас же, – пророкотала Гром-птица, заноса над головой руку с белой молнией.

Торопливо открыв свою сумку, Нова выхватила базуку с сетью. Затаив дыхание, она подползла к борту, приладила на него базуку и выстрелила.

Вокруг тела Гром-птицы обвились веревки. Когда сеть намоталась ей на левое крыло, она удивленно вскрикнула. Стрела молнии, коснувшись сети, подожгла веревку, и вся сеть, потрескивая, вспыхнула.

Гром-птица закричала.

Потом стала падать, падать. На улицу, на мостовую...

Прямо в объятия бдительного Капитана Хрома.

Он поставил свою соратницу на ноги и поднял вверх синие глаза. На его лице больше не было улыбки. Сейчас он был не так похож на разрекламированного сверх меры придурка на идиотском празднике.

Когда их глаза встретились, Нове стало не по себе.

– Что происходит внизу, Детонатор? – спросила она. – Нам может понадобиться помощь.

– Участие Кукловода в операции не планировалось, – послышался сухой ответ. – Если он желает действовать как хочет, пусть и умирает как хочет.

В это время внизу под ними Капитан схватил металлическую пику, с которой щеголял на параде. Нова видела, что он сбросил с ее верхушки шлем Аса Анархии и отшвырнул его прочь. Шлем покатился по мостовой и застрял в водосточке.

– Здесь не только Кукловод. Я тоже здесь, наверху!

– Удачи, Кошмар! Операция закончена.

В наушнике раздался тихий треск, и все смолкло окончательно.

Капитан Хром занес пику над головой, как копье, и метнул.

Хотя аэростат находился на высоте в сотни футов, пика, не отклоняясь, летела прямо на него.

Нова присела.

Пика угодила в горелку и с оглушительным скрежетом пробило трубку подачи газа. Вспышка – пламя вырвалось из горелки. Пика рикошетом отлетела от металла и упала на улицу.

Результат удара не заставил себя ждать. Хотя аэростат еще продолжал двигаться по инерции, он стремительно терял высоту.

Нова лихорадочно осматривалась. До удара у них был шанс долететь до тех зданий, что впереди, но теперь все изменилось, и она сомневалась, что шар дотянет. Воздух в шаре больше не подогревался, скоро они начнут падать, врежутся во что-нибудь, попадут прямо в руки Отступников.

Уинстон, нагнув голову, посмотрел прямо на Нову.

– Опаньки.

Нова выдержала взгляд, она думала, прикидывала.

Если сбросить с борта лишний вес, еще можно попытаться долететь до соседнего квартала. Так они смогли бы выиграть время и попытаться улизнуть, пока не подоспеют Отступники.

На глаза попала сумка – все ее разработки, оружие. Все ее старания. Вся многолетняя работа.

Уинстон сочувственно вздохнул.

– Иногда приходится чем-то жертвовать, маленькая Анархистка.

– Ты совершенно прав, – вздохнула Нова.

И, обхватив рукой лодыжки Уинстона, резко дернула. Вскрикнув, он нелепо замахал руками и перевалился через борт.

Не дожидаясь, пока внизу стихнут его вопли, Нова вскочила и бросилась к нагревателю. Шар чуть приподнялся над крышами, давая ей совсем немного времени – его как раз хватило ей, чтобы восстановить подачу газа. Она подергала зажигание, и наконец огонь снова вспыхнул.

Аэростат взмыл в воздух.

Нова облегченно вздохнула и лишь теперь позволила себе посмотреть вниз.

Кукловод упал на карнавальную платформу и утопал в конфетти и цветах, а Капитан Хром стягивал его вниз.

Уинстон не противился. Он не сводил глаз с Новы, на лице играла все та же безумная ухмылка.

Нова подняла руку и помахала ему.

Глава четвертая

Адриан пришел в себя с ощущением, что голова у него набита ватой. Со стоном он попробовал перевернуться на другой бок, и только тогда понял, что на нем до сих пор облегающий тело бронированный костюм. Твердые пластины брони больно впивались в спину.

Все тело ныло, но хуже всего дело обстояло с плечом. Липкое от крови, оно горело и пульсировало.

Не верилось, что эта девица сумела его ранить. Адриан и сам не мог понять, почему это его так удивляло, разве что... Одаренные так не сражаются. Они используют свои сверхъестественные способности, а его вероломно трахнули по башке.

Надо будет обдумать. Эта девица не следовала правилам, как все остальные.

Но, сообразил он тут же, это касалось и его самого. С некоторых пор. С тех пор, как он стал Стражем.

Ему удалось сесть. До ночи было далеко, но небо уже темнело, и на крышу напозднили длинные тени соседних домов. Похоже, он провалялся без сознания часов пять-шесть. Повезло еще, что все произошло именно здесь, в таком месте, где его никто не обнаружил. Несмотря на это Адриану стало не по себе при мысли, что он так долго провалялся здесь в жалком, беспомощном состоянии.

Жалкий, беспомощный и бесполезный.

Почему Оскар не отправился его искать?

Нет – это дурацкий вопрос. С чего бы он стал это делать? Оскар же не знал, что под броней Стража скрывается Адриан, к тому же... Данна ранена, и Руби, кажется, тоже. У Оскара и без него было дел по горло. Им пришлось отправляться напрямик в штаб. Скорей всего, они и сейчас еще там.

Адриан осмотрелся, убедился, что никто из соседних окон за ним не наблюдает, и надавил пальцами на центральный грудной щиток.

Броня звякнула и с тихим шипением начала складываться, словно оригами, и ужиматься до тех пор, пока весь скафандр не стал величиной с расплюснутую алюминиевую банку. Адриан вдавил его в кожу над грудиной и провел пальцем татуировке в виде застежки молнии, которую сам себе наколот примерно месяц назад.

Он начал застегивать рубашку, но взвыл от резкой боли в плече и посмотрел вниз. На рубашке красовалась прореха, и, хотя благодаря броне, прижавшей рану, кровотечение немного замедлилось, даже на первый взгляд было понятно, что он потерял немало крови. Весь бок промок, а в тех местах, где кровь засохла, ткань рубашки казалась черной. Адриан не мог понять, почему его сознание отключилось так резко – ранение тому виной, или это Кошмар его вырубил.

Скорее всего, и то, и другое вместе.

Ругая ее на чем свет стоит, он понемногу отдирает ткань от кожи, а потом, проклиная уже себя самого, стянул рубашку через голову.

На вооружении у этой девчонки всего-то и есть, что набор каких-то устаревших гаджетов и сила, срабатывающая только при телесном контакте. Как же она с ним справилась?

Адриан поморщился, вспомнив свои жалкие попытки сохранить достоинство. Кого он пытается обмануть? Он недооценил противника, а делать этого не стоило. Соперница оказалась сильной. Умной. А своими примитивными гаджетами пользовалась очень даже эффективно – он в этом убедился на собственной шкуре.

Тряхнув головой, он сперва криво усмехнулся, а потом от души рассмеялся – да, над самим собой, ну и что?

Вот вам и известный на весь город супергерой.

– Еще встретимся, – шепнул он себе под нос. Дал зарок.

Он будет упорно тренироваться. Усовершенствует костюм. И они *обязательно* встретятся.

Вынув из заднего кармана джинсов маркер, Адриан набросал водопроводный кран на бетонной стенке и придал рисунку объем. Повернул вентиль, и из крана полилась холодная вода.

Смочив чистую половинку рубашки, он как мог смыл засохшую кровь. Рана, когда ее промыли, оказалась не такой уж страшной. Сердце все еще билось, рука действовала, следовательно, никаких серьезных повреждений нет.

Тщательно осмотрев рану, Адриан приложил к коже кончик маркера и, соединив края разреза, изобразил несколько швов. Закрыв фломастер, он сунул его в карман, остановил воду и, сев на пол, начал водить пальцем по татуировке на левом предплечье. Уверенные черные линии изображали языки огня, края их сливались со смуглой кожей.

Манипуляции с огнем. Может быть, такая способность встречается нередко, но все равно ценится среди Одаренных очень и очень высоко. Адриан был уверен, что эта способность, плюс армированный костюм и пружины, которые он вытатуировал себе на подошвах, сделают его неуязвимым и позволят с кем угодно справиться, кого угодно покорить.

Но Кошмар – она и бровью не повела!

Даже хуже. Она над ним *смеялась*.

Зарычав, он поднялся на ноги и набрался мужества посмотреть вниз на улицу, где утром проходило праздничное шествие. На смену веселью пришло мрачное затишье. С мостовых выметали конфетти, обертки от еды и битое стекло. Во время нападения Кукловода были поломаны платформы, а лотки уличных торговцев разграблены.

Кошмар просила Кукловода бросить ей веревку. Они работали вместе? Она из Анархистов?

Вообще в этом, кажется, был смысл. Анархисты – одна из немногих бандитских шайк, которая за последние десять лет не исчезла полностью. Они больше других ненавидели Отступников, особенно Совет.

Так ведь она здесь именно потому и оказалась, так? Ее целью был Совет. Ее целью был Капитан.

Адриан поправил очки на переносице. Внизу на улице маленькую девочку выволакивали из-под туристического автобуса, где она пряталась весь день. Девчушка истерически рыдала. Даже отсюда сверху, Адриан разглядел у нее на шее золотистую петлю. Что же Кукловод заставлял ее делать, мелькнула у него мысль.

На скулах заходили желваки.

Большинство Анархистов были давно и хорошо известны. Уинстон Прэтт. Ингрид Томпсон. Хани Харпер. Лерой Флинн.

Но *Кошмар*... это было что-то новое. Тайна. И угроза.

Стоило Адриану закрыть глаза, и он увидел ее – лицо скрыто капюшоном, из глубокой тени лишь чуть поблескивают глаза. Без эмоций. Без жалости. Без *страха*, хотя она и произнесла эти слова – те самые слова, которые годами его преследовали. Даже сейчас он не мог поверить, что она их произнесла. Что это ему не привиделось в бредовом сне, пока он лежал тут без сознания.

Нельзя стать смелым, если не узнаешь страха.

Он прерывисто вздохнул. Нет ему не приснилось. Она так и сказала.

Это не могло быть совпадением.

– Кошмар, – прошептал он, как будто в первый раз назвал ее по имени, и это имя что-то для него значило. Она больше не была для него просто очередной преступницей, которую

необходимо остановить. Или вредителем, от которого предстоит избавиться городу. Теперь она стала для Адриана человеком, который мог знать ответы.

– Кто же ты?

* * *

К тому времени, как Адриан добрался до Штаба Отступников, в голове у него окончательно прояснилось. Он нарисовал себе новую рубашку с длинными рукавами, чтобы скрыть татуировки. Грудь и плечо все еще болели, даже от прикосновения тонкой ткани.

Войдя в дверь-вертушку главного входа, Адриан остановился на площадке, выходящей в просторный холл, в центре которого на полу была инкрустация в виде огромной буквы О. Здесь всегда было многолюдно, вечно стоял гул голосов и был слышен топот от тяжелых башмаков. Красно-серые комбинезоны Отступников и халаты медиков смешивались со строгими костюмами служащих администрации. Люди сновали по разным отделам, собирались группами, всматривались в висящие вдоль стен экраны, где снова и снова воспроизводились сцены нападения Кукловода.

Хью и Саймон иногда шутили по поводу того, что все началось в подвале у Укротителя Ужаса. Тогда они были подростками – друзья с детства, оба наделены сверхъестественными способностями, оба не могли больше сидеть сложа руки, глядя, во что Анархисты и преступники превратили их город. И вот однажды ночью они решили, что с этим нужно что-то делать.

Их вылазки становились все более дерзкими и заметными, и вскоре к их команде присоединились еще четверо Одаренных: Касуми, Эвандр, Тамайя и мать самого Адриана, Джорджия Ролс. Несравненная Леди Неукротимая.

Название, с которым они вошли в историю, дал им Эвандр. *Отступники*. В то время, насколько знал Адриан, у них не было ни денег, ни штаба, ни влияния. Ничего, кроме отчаянной решимости изменить мир к лучшему. Добиваясь этого, они питались дешевой лапшой в брикетах и сыром, одевались в дешевую одежду, которую шили сами, и поочередно ночевали друг у друга на поеденных молью кушетках.

Эта шестерка первых до сих пор считалась основной группой, с которой начались Отступники. Но их число постоянно росло: все новые молодые люди присоединялись к ним, все больше Одаренных осмеливались выступить против негодяев, разрушивших их мир.

Глядя на то, каким стал штаб сегодня, было трудно представить себе, что все это началось в подвале, много-много лет назад. Пара тинэйджеров и желание изменить мир к лучшему.

А теперь – вот это. Восемьдесят два этажа и восемь подземных уровней для эффективного правительства и правоохранительных органов.

Ладно, вообще-то большая часть этажей пока пустовала, но Хью часто говорил, что они еще понадобятся, когда придет время расширяться. Изначально башню строили как офисное здание для какого-то международного банка или чего-то такого же скучного. Но сейчас все здесь было оборудовано новейшими достижениями технологии, включая симуляторы виртуальной реальности, где Отступники могли проводить физические и психологические тренировки, моделируя самые разнообразные ситуации. Был здесь также превосходный арсенал, где за несколькими уровнями непреодолимой защиты хранилось оружие. Целый этаж занимало хранилище сверхмощных инструментов и артефактов. На двух этажах занимались исключительно безопасностью города и расследованиями нарушений порядка. Информационный центр, в котором всегда толпились люди; камеры для задержанных Одаренных правонарушителей, слишком опасных, чтобы отправлять их в обычную городскую тюрьму; зоны отдыха для не занятых на службе Отступников; исследовательские лаборатории; медицинское крыло с полным набором услуг, а на самом верхнем этаже – их главная гордость – Зал Совета, где

Совет принимал законы, издавал указы, направленные на укрепление общества, избавленного ими от анархии, и на защиту мира от нового крушения.

Совет действовал так, будто общество могло двигаться только в одном направлении – вперед, все дальше уходя от жутких лет хаоса и преступности, но иногда Адриану казалось, что установленный Отступниками порядок держится на куда более шатком основании, чем они хотели бы признать.

Расправив плечи, Адриан стал спускаться по серой лестнице на первый этаж, прямо к лифту, на котором можно было попасть в медицинское крыло. На настенных экранах появилась Кошмар, она махала толпе из корзины аэростата, лицо было затенено капюшоном.

При виде ее в Адриане с новой силой вспыхнула решимость. Он снова начал прокручивать в памяти мгновение, когда эта девица пырнула его ножом, точнее, кинжалом Руби – ни больше, ни меньше. Он потерял контроль. Он метнул сгусток огня, целясь в нее, но был ослеплен яростью и совсем не подумал, что у нее за спиной может стоять еще кто-то.

Она обозвала его дилетантом и была права. Это была ошибка, недостойная профессионала.

Едва услышав крик Данаиды, сразу он понял, что девушка серьезно ранена. А причиной тому его неосторожность – и Кошмар была ни при чем, как ни хотелось ему обвинить во всем ее. Языки пламени вылетели с его ладоней, сработала сила, с действием которой он даже не успел еще толком разобраться. Он вел себя, как надутый болван, и Данна пострадала из-за него.

В медицинском крыле Адриан заметил в окне первого кабинета Тамайю Раи. Гром-птица сидела на краю кровати, пока целитель обрабатывал ее черное оперенное крыло. Она была в ярости, сквозь стекло доносились выкрики, Адриан различил слова *Кукловод, воздушный шар и какая-то жалкая рыболовная сеть!*

Данну он нашел в третьей палате. Она была без сознания. Большие лоскуты униформы были срезаны, в прорехах виднелись обширные ожоги на левой руке и на боку. Рот и нос закрывала маска – видимо, ей обрабатывали легкие специальным эликсиром, удерживающим от трансформации: такое могло случиться, если бы ее мозг в бессознательном состоянии вошел в режим «бей или беги». Однажды Данна рассказывала им, что в детстве с ней частенько бывало такое, когда снились кошмары.

Кошмары.

Какая ирония судьбы.

У Адриана упало сердце. Во время боя у него не было времени остановиться и разглядеть, сильно ли он ее обжег. Сейчас он пришел в ужас и согнулся под гнетом вины за то, что сотворил.

Оскар и Руби тоже были здесь, сидели в углу на скамейке. Руби положила голову Оскару на плечо, и на секунду Адриану показалось, что она спит, но она тут же широко открыла глаза. Увидев Адриана, она села ровнее. По лицу Оскара пробежала мимолетная тень недовольства, но исчезла так быстро, что Адриан даже засомневался, не показалось ли ему.

– Ах, вот *теперь* он явился, – заговорил Оскар, вставая. – Парень, где тебя носило?

– Прости, – извинился Адриан совершенно искренне. – Я получил твое сообщение и несся к вам, ребята, но вдруг откуда ни возьмись появился Кукловод, и я начал спасать детей. Их там оказалось больше сотни, приехали на экскурсию. Суматоха, хаос.

Он незаметно потерял через рубашку больное плечо, удивляясь, как легко у него получилось соврать. – Но все равно, я должен был быть там, с вами. Мне очень жаль. Что с Данной?

Оскар вздохнул.

– Сильно обгорела в бою.

Данна испустила протяжный стон. Висящий на стене аппарат запищал быстрее, но уже через секунду вернулся к прежнему равномерному ритму. Адриан подошел ближе и, сделав

над собой усилие, приподнял один из холодных компрессов, закрывающих ожоги. Это было нелегко – заставить себя подойти и увидеть, какие повреждения он нанес боевому товарищу.

Сильно ли она мучилась от боли? Или сразу потеряла сознание и впала в шок? Опустив компресс на рану, Адриан через рукав потер татуировку с языками огня. Конечно, его рана уже несколько недель как зажила, но он представил на миг, что бы почувствовал, будь это живое пламя, как бы оно жгло ему кожу.

Он повернулся к Оскару и Руби.

– Ее уже осмотрели?

Оскар кивнул.

– Ага. Говорят, все будет нормально, но это займет какое-то время. Плохо дело.

– Да уж. Во время дежурств мы без Данны, как без глаз, – согласился Адриан, почесав затылок. – Без нее будет намного труднее.

– И вот что странно, – сказала Руби, – Кошмар не приложила к этому руки. Это сотворил (и, указав на Данну, она изобразила в воздухе кавычки) некий «*Наблюдатель*».

Адриан вздрогнул, такая злоба была в ее голосе. Если ему и хотелось открыться, рассказать команде, что это он был с ними на крыше в тот день, сейчас это желание испарилось.

– Кто?

– Какой-то тип, оказался там в разгар сражения, – отозвался Оскар. – Вроде как Кошмар с ним не заодно, он выступил против нее. На костюме у него была буква О, как у нас, но... – Оскар развел руками. – Никто из нас раньше его не видал.

Адриан непонимающе нахмурился.

– Страж?

– Так его называла Данаида, пока ей не дали наркоз. По-моему, он огненный элементаль... Но точно не Дикая Огонь, – закончил Оскар.

Дикая Огонь был на сегодняшний день единственным огненным элементом среди Отступников, по крайней мере, в зоне Гатлона. Именно во время совместных тренировок с ним у Адриана и появилась мысль манипулировать с огнем.

Руби зевнула.

– Мне кажется, что он и не тот Одаренный с Островов. Помните, тренировался здесь в прошлом году? Магма, кажется? Этот тип, Страж, был в броне с головы до пят. Кто-то из наших успел его щелкнуть с улицы, фото уже всем показывают, пытаются понять, может кто-то что-то знает.

– Он еще и прыгает потрясно, – добавил Оскар, – а этот его костюмчик, как будто пряником из книги комиксов. Честно говоря, я думаю, что это кто-то из отдела исследований и разработок – типа, испытывают нового супер-солдата, но проект так засекречен, что они не могут это признать.

Руби, ахнув, подалась вперед, как будто ей внезапно пришла в голову разгадка тайны.

– А что если это злодей, переодетый Отступником. Может, он пытается нас очернить в глазах людей. Возможно даже, это часть целого заговора, цель которого наше полное уничтожение!

Адриан и Оскар воззрились на нее.

Руби пожала плечами.

– Ну, а вдруг, мало ли?

– Всякое бывает, – согласился Оскар.

Руби повалилась на скамейку и в изнеможении прикрыла глаза рукой, словно этот выплеск эмоций отнял у нее последние силы. Камень цвета крови у нее на запястье отражал свет лампы и бросал розовый отсвет на щеку девушки.

– Это моя теория, и я буду придерживаться ее.

– Но сперва Кошмар и он долго дрались, – возразил Оскар, – и только потом он атаковал Данаиду. А может, это была ошибка. Как знать.

– Еще кто-нибудь пострадал? – поинтересовался Адриан.

– Не-а, – в голосе Руби мелькнула нотка неуверенности, – Все целы.

– Кошмар и ей тоже вломила, – пояснил Оскар, – Погрузила Руби в сон.

Протянув руку, он погладил девушку по голове. Адриан не мог припомнить за Оскаром таких деликатных жестов, а уж Оскару деликатности было не занимать.

– Ябеда, – проворчала Руби, отпихнув его руку, – Если кому-то интересно, я и сейчас чувствую себя так, как будто голову залили цементом.

Адриан дернулся было сказать, что это ощущение ему знакомо, но подавил порыв.

– За год Кошмар уже четвертый раз вступает в контакт с нашей командой. Не может же она работать одна.

– Она сбежала на аэростате Кукловода, – высказался Оскар. – Может, она из новых Анархистов.

– Но, – Руби подняла палец в воздух, – она выкинула Кукловода за борт. Это не сильно смахивает на дружеское приветствие.

– Ну, это же в их стиле, кажется? – спросил Адриан. – Даже если они заодно, все равно для них нормально, чтобы сильные шли к цели, перешагивая через слабых.

Оскар пожал плечами.

– По-моему, это полная ерунда, но ведь они преступники. Откуда нам знать, что у них в голове?

– Есть и хорошая новость, – открывая глаза, сказала Руби с озорной улыбкой, – Кошмар осталась без ружья, я его захватила.

Адриан поднял брови.

– Оружие забрали наверх на исследование, – добавил Оскар, – Она стреляла из него в Капитана, чуть не попала в глаз. Пуля-дротик сейчас тоже в лаборатории. Может, удастся выяснить, откуда она взялась.

Адриан отвернулся. Он не мог представить, какую информацию можно выудить, осматривая оружие и пулю, но это хоть какая-то зацепка. Начало.

В то утро он думал только о демонстрации способностей Стража. С восторгом предвкушал, как покажет всем, на что способен в этом образе. Фантазировал, как снимет шлем Стража и откроет лицо перед своей командой, а потом и перед всеми Отступниками.

Но сейчас все это его не волновало. Одна фраза, которую произнесла Кошмар, изменила все.

Он должен выяснить, кто она такая. Должен узнать, что ей известно.

Он должен ее найти.

Глава пятая

Адриана мучила неясная тревога. Раненую Гром-птицу доставили сюда несколько часов назад, но остальные члены Совета до сих пор не вернулись в штаб. Если бы кто-то пострадал, это уже стало бы известно, значит, все в порядке. Может, ему просто не терпится узнать, что они слышали о Страже. Что думают о нем. Вдруг они его раскусили.

Он еще походил по медицинскому крылу и навестил пострадавших в стычке с Кукловодом, прежде чем подняться к Макс, который, как всегда, чувствовал себя отрезанным от мира.

Карантин Макса размещался в подвесном стеклянном коридоре, устроенном над основным этажом вестибюля. Пожалуй, это было самое роскошное помещение во всем доме – практически апартаменты класса люкс: панорамные, во всю стену, окна открывали вид на реку, от которого захватывало дух. По последнему слову были оборудованы и помещения, скрытые от любопытных глаз – образцовая спальня и ванная, в которой имелось даже джакузи. Впрочем, Адриану казалось, что Макс не так уж часто всем этим пользуется. Макс вообще почти все время проводил в главном отсеке своего жилища. Он постоянно возился со своим стеклянным городом, методично, шаг за шагом продолжая строить его все эти четыре года.

Настоящее чудо, он уже почти полностью покрывал пол в круглой комнате. Почти точная копия Гатлона, полностью построенная из прозрачного, сверкающего стекла.

Подходя к карантину, Адриан заметил Макса, сидящего со скрещенными ногами в центре макета Городского парка – одном из немногих клочков пустого пространства, где он еще помещался. Взгляд его был прикован к мониторам за пределами карантина, по которым непрерывно крутили видеоматериалы праздничного шествия. В пальцах он вертел стеклянную фигурку, одну из тех, что Адриан сделал для него несколько лет назад – повозка с упряжкой лошадей, вроде тех, на которых катали в парке туристов.

Все началось с игры. Когда Макса поместили в этот карантин, он был совсем карапузом, и Адриан старался, как мог, чтобы ребенку было там уютно. Заметив, что Макс любит строить из подаренных Капитаном кубиков, он начал сам делать для него блоки разной формы, рисуя их маркером на стекле и воплощая на стороне Макса.

Став старше, Макс начал делать заказы. Он просил делать ему блоки с высокими шпилями и куполами или тросы, с которыми он смог бы построить мост. Раньше, чем Адриан догадался, что задумал малыш, он увидел знакомый городской силуэт.

Сейчас Макс, минуло десять лет, и миниатюрный город был почти завершен, однако, как и настоящий город, он постоянно менялся. Мальчик сносил здания, перестраивал, корректировал и подновлял, стремясь сделать его максимально похожим на реальный Гатлон – город, о котором он мог только мечтать.

Заметив приближение Адриана, Макс схватил альбом для рисования и поднял, чтобы было лучше видно. Очень старательно он изобразил на нем платформу, на которой Совет участвовал в параде.

– Можешь сделать вот это? – из-за стекла голос Макса звучал приглушенно.

– Вот так сразу? А где же “привет”? Где “как я рад, что тебя не укукошили психованные злодеи”?

Макс опустил альбом.

– Новости передают весь день, все больше про Гром-птицу, хотя я знаю, что Данаида и еще несколько тоже были ранены. Еще каждые несколько минут в новостях объявляют о пострадавших среди населения, – после паузы он добавил, поясняя. – Очевидно, я уже был бы в курсе, если бы ты пострадал.

Хмыкнув, Адриан сел на пол.

– В таком случае, да, я могу это сделать. Но не нужно, чтобы из тучи вылетали настоящие молнии. Здесь лучше подключить воображение. Хочешь, сделаю еще и уличных торговцев?

У Макса загорелись глаза.

– Да! И платформу со злодеями. И марширующий оркестр?

– Я что, похож на фабрику по производству статуэток?

Адриан вооружился фломастером и начал набрасывать на стеклянной стене платформу во всех деталях, которые ему запомнились. Правда, он пропустил момент ее появления, потому что как раз чинил девушке браслет.

Он замер, не закончив рисунок.

Столько всего случилось в этот день, что он чуть не забыл об этой девушке и о том, как она смотрела на Адриана за работой: не как на чудо, каких она в жизни не видывала. Нет, она как будто пыталась понять, не мошенник ли он и не нужно ли ей уносить ноги.

Вообще-то, в последнее время город был буквально наводнен Одаренными. Раньше сверхъестественные способности были людям в новинку, но, должно быть, очарование новизны улетучилось.

Адриан закончил рисовать платформу, добавив снизу колеса, чтобы Макс, если захочет, мог возить ее по улицам.

– Ну вот, – сказал он и, прижав ладонь к рисунку, направил силу на стекло.

Рисунок проник на другую сторону окна. Кристально-прозрачная модель платформы, да еще и с вращающимися колесиками.

Сама стеклянная стена осталась неизменной, линии рисунка исчезли с нее в процессе трансформации.

Макс, напряженно нахмурившись, вытянул перед собой руку. Миниатюрная платформа задрожала, затем оторвалась от стены и зависла в воздухе. Медленно, но уверенно, она пролетела над городом, вдоль Рейкис-авеню, свернула на Парковую Аллею и, тихо звякнув, опустилась рядом с мальчиком.

Выдохнув, он открыл глаза.

– Спасибо.

– Мне кажется, ты становишься сильнее, – сказал Адриан. – Полет был увереннее обычного. Я в этом уверен.

– Нет, это не так, – за деловитым тоном Макс умело скрывал разочарование, он мог бы обмануть почти любого.

– Ну... согласишься, немного телекинеза все же лучше, чем нисколько, – Адриан потер висок колпачком маркера. – Хочешь, чтобы наверху стояли фигурки членов Совета?

Макс помотал головой.

– У меня остались те, что ты сделал в прошлом году, – он огляделся. – Где-то есть.

Помрачнев, он повернулся и посмотрел на Адриана.

– Кто-то правда пытался убить Капитана?

Адриан замялся, но скрывать от Макса правду не имело смысла. Мальчик был умен и слишком Стражен, себе же на беду. Новости он смотрел намного чаще, чем кино или мультфильмы, и, даже взаперти в своей стеклянной темнице, был, казалось, осведомлен о том, что происходит в мире больше, чем Адриан.

– Да, – ответил он, – Одна преступница по кличке Кошмар.

– Ты уже сражался с ней раньше.

– Не я. У Оскара и других была с ней стычка несколько месяцев назад, а кое-кто из других команд встречался с ней еще раньше.

– Почему она хочет причинить Совету зло?

Адриан начал рисовать на стекле музыкантов из оркестра. Барабанщик и трубач. Целый ряд тромбонеров.

– Некоторым нравится, как все было до прихода Отступников к власти.

– Когда все только и делали, что воровали и убивали друг друга?

– Сам не понимаю. Но предполагаю, что люди, которые были тогда у власти, жили совсем неплохо, как думаешь? – Сдвинув брови, он сосредоточенно вырисовывал сложные изгибы французского рожка, но бросил и взамен дал музыканту в руки горн.

– А как по-твоему, этот новый тип, он хочет того же? Снова отдать город преступникам?

– Новый тип?

Макс кивнул на экраны. Адриан проследил за его взглядом, и по спине у него пробежал холодок. В новостях показывали фотографию Стража. Размытый снимок, сделанный снизу, запечатлел его самого, перепрыгивающего с крыши на крышу на высоте в сотню футов. Судя по этому снимку можно было поверить, что он летит.

Качество фотографии было ужасным, но Адриан впервые видел себя в костюме со стороны – жутковато, но приятно.

Нет, он ни под каким видом не мог признаться в том, что это он. Это невозможно. Никто не должен узнать, что Кошмар упущена по его вине. И тем более, что это он ранил Данаиду.

– Не думаю... – Адриан заколебался. – Мы не знаем, злодей ли он. Возможно, он пытался помочь. Он боролся с ней, а на груди у него, говорят, красная буква О.

– Но он не из наших, кажется?

Адриан занялся проталкиванием оркестра сквозь стекло, передавая Максу по одной фигурке.

– Сам не знаю. Оскар предположил, что это новая секретная разработка нашего оружия.

Внимание Адриана привлекло движение на первом этаже, у освещенного входа. Наконец вернулся Совет, таща за собой Кукловода, замотанного в хромированные цепи. Капитан толкнул негодя к одной из групп встречающих, видимо, отдав распоряжение отвести его в тюремный блок. С ними отправилась Цунами, держа наготове стену воды на случай, если Уинстон Прэйт попытается что-то предпринять. Впрочем, попав в штаб Отступников, Кукловод был, судя по всему, слишком потрясен, чтобы думать об атаке.

Черный Огонь хлопал Капитана и Укротителя Ужаса по спинам. Даже отсюда Адриану были слышны его громогласные возгласы – направляясь к лифту, он на ходу говорил что-то о Гром-птице.

Адриан поднялся на ноги. Капитан Хром поднял голову, и выражение его лица смягчилось, возможно, от облегчения, хотя особых причин для беспокойства у него не было. Ему – как и *всем* – было известно, что Адриан все время был внизу, в толпе и смотрел парад, а потом делал, что мог, помогая зомбированным детям.

Он невольно заулыбался в ответ и приветственно помахал Капитану.

Обернувшись к Макс, он дважды постучал в окно. Мальчик на поднимая головы махнул рукой на прощание. Он пристраивал оркестрантов перед платформой.

Адриан спустился на первый этаж. Вокруг Капитана собрались люди, его забрасывали вопросами. Все хотели знать про неудавшуюся попытку покушения, Кукловода, Кошмар, Стража, но ответов не последовало. Сквозь толпу Капитан пробрался к лестнице навстречу Адриану, торопливо обнял и, легко оттолкнув, схватил за плечи. Адриан поморщился от боли, чувствуя, что швы чуть было не разошлись, но притворился, что улыбается.

– Когда началась эта свистопляска, мы даже не знали, на параде ли ты, – сказал Капитан Хром.

К ним подошел Укротитель Ужаса и с налету приобнял Адриана за плечи.

– Как же здорово, что ты цел и невредим.

Для целого мира это были Хью Эверхарт и Саймон Вествуд. Супергерои. Члены Совета. Первые среди Отступников.

Но для Адриана они чаще всего были просто его родителями.

Он закатил глаза.

– Завязывайте с этим. Вы меня смущаете.

– Уверен, что не в последний раз, – заявил Саймон, – Ты участвовал в бою?

Адриан отрицательно покачал головой.

– Я был в паре кварталов, когда все началось. Пришлось поработать уличным регулирующим, я отправил несколько автобусов с детьми.

– Трудная работа, – заметил Хью. – Но кто-то должен делать и это.

– Следствие уже началось? – спросил Адриан. – Кукловод работал не один. В это наверняка замешаны и другие Анархисты – а по крышам носилась Кошмар.

Он тревожно взглянул на Хью.

– Она охотилась за тобой.

– Со мной все в полном порядке, – улыбнулся Хью, потеряв висок. Адриан помнил, что стрела попала именно в это место, но не оставила даже царапины.

– Вижу, – сказал он. – Но все-таки, сегодня она попыталась тебя убить... и у нее почти получилось. А *Гром-птицу* она ранила. Эта девчонка... она не оставляет нас в покое, и я совершенно уверен, что она действует не сама по себе.

– И мы тоже уверены, – ответил Саймон. – Расследование ведется, но пока нет убедительных данных за то, что она заодно с Анархистами или какой-нибудь другой группировкой, старой или новой. Ей просто повезло, что сумела улизнуть на шаре Кукловода. А без доказательств...

– ...задержание незаконно, – мрачно кивнув, договорил за него Адриан.

– Если мы будем нарушать правила, то станем такими же, как они, – сказал Хью.

Адриан не стал отвечать. Раньше, когда Отступники еще только появились, им не нужно было придерживаться правил – потому что не было правил, по которым играть. Они были скорее мятежниками, повстанцами, чем правоохранителями, и уж точно, не занимались *законотворчеством*. Они просто делали, что могли, чтобы сделать мир лучше и безопаснее. Даже если иногда это означало добывать информацию шантажом или обманом проникать в тайные притоны, если им казалось, что там происходит что-то подозрительное – и не требовали убедительных доказательств.

Иногда Адриану начинало казаться, что это было лучше и правильнее. Когда супергерои действуют как супергерои, а не главы правительства.

Возможно, именно поэтому ему и пришла в голову мысль о Страже. В анонимности была свобода. В ней была власть – не отчитываться ни перед кем.

Однако – как показал сегодняшний день – это не избавляло от нежелательных последствий.

– Не волнуйся ты так, – заговорил Саймон, и Адриан поскорей согнал застывшую на его лице злобную гримасу. – Сегодня мы отправили в лабораторию перехваченное у преступницы оружие. Посмотрим, может, что-то и удастся из него вытянуть.

– Она просто начинающая, зарабатывает авторитет, – добавил Хью, – Встречали мы кое-кого и поопаснее.

С этим было трудно поспорить. Они победили самого Аса Анархию, а прочих без счета. И все же, что-то говорило ему, что Кошмар опасна, ее не надо недооценивать. Насколько было известно Адриану, она со своей пулей-дротиком была ближе к убийству Капитана Хрома, чем кто бы то ни был раньше.

Саймон, задрав голову, смотрел на экраны вдоль стены, где хохотал Кукловод, Кошмар махала рукой из корзины аэростата, и, время от времени, мелькал Страж.

Проследив за взглядом Саймона, Хью нахмурился при виде бронированной фигуры.

– Кстати о расследованиях, а о нем что мы знаем?

Хотя их окружала толпа репортеров, ассистентов и патрульных, никто не ответил.

Адрин потер пальцем грудь, где за татуированным рисунком застешки-молнии был надежно скрыт Страж.

– Моя группа его видела, когда Кошмар убегала, и все ее преследовали. Страж тоже гнался за ней.

Хью слушал внимательно.

– Он использовал какие-то способности?

– Я... думаю, да. Кажется, да, – Адриан кашлянул. – Оскар предположил, что это разработка нашего научного отдела?

– Что-то новенькое, никогда о таком не слышал, – пробормотал Саймон. – Я переговорю с Оскаром и Руби, может, что-то прояснится.

Внезапно его глаза вспыхнули.

– Я слышал о Данне. Как она?

Адриан замер. Он все еще ощущал жар собственного огня. Все еще видел бабочек, чернеющих и рассыпающихся у него на глазах.

– Целители сказали, поправится.

Саймон снова сдвинул Адриану плечо – отцовский жест утешения, но от него почему-то стало еще хуже. Не только из-за Данны, но и потому, что он уже решил не признаваться, что он Страж. Пока не время.

Хью отвернулся лицом к толпе.

– Внимание, – заговорил он таким низким, громовым голосом, что даже дождевой червяк вылез бы из-под земли послушать его, – Если кому-то известно хоть что-нибудь об Одаренном по имени Страж, сообщите об этом Совету. Насколько можно судить, он не один из нас...

Хью помолчал, обвел собравшихся пронзительно-голубыми глазами – словно ожидая, что кто-то выступит вперед и признается: *обалдеть, это ж был я!* Чтобы не встретиться взглядом с отцом, Адриан посмотрел на Макса, наблюдавшего за ними из карантина.

Хью продолжал.

– Но он использовал наш символ и наше название. Я хочу понять его мотивы. Если это враг, я хочу знать, на кого он работает. Если он наш союзник... я хочу понять, почему он не работает *с нами*, – Обернувшись к Адриану, он ослепительно улыбнулся фирменной улыбкой Капитана Хрома (даже теперь, спустя столько лет, она вызывала у Адриана странное чувство, будто он перед ним не человек, а рисунок на пачке кукурузных хлопьев). – Как знать? Может, он примет участие в наших испытаниях.

– Мистер Эверхарт, мистер Вествуд, – по вестибюлю к ним почти бежала женщина в белом медицинском халате и кроссовках, с блокнотом в руках. – Можно вас на минуточку? Мы получили предварительные результаты по химическому составу на пуле-дротике.

Хью и Саймон присоединились к ней, и все трое повернули назад, к лаборатории. Адриан поспешил за ними, сделав вид, что и его пригласили, а оставшиеся люди разбрелись.

– Физическими характеристиками пули мы пока не занимались, – говорила женщина, переворачивая листки блокнота, – Но раствор по составу практически идентичен ядам, которыми в прошлом пользовался Цианид.

– Цианид, – повторил Хью. – Лерой Флинн?

Женщина кивнула.

– Анархист, – припомнил Адриан.

Резко остановившись, все трое повернулись к нему, явно удивленные, что он еще здесь. Вздыхнув, Хью снова обратился к лаборантке.

– А по винтовке пока ничего?

Она покачала было головой, но заколебалась.

– Данные не подтверждены, но на ней, кажется, марка изготовителя. Аналогичная была на оружии, которое мы уже изымали у нарушителей, не связанных с организованной преступностью. Черный рынок, скорей всего.

– Не иначе, в городе новый дилер, – Хью почесал подбородок.

– Или старый дилер, – добавил Саймон, – который вернулся в бизнес.

– Какая разница, откуда ружье? – заговорил Адриан. – Яд изготовлен Цианидом, а мы знаем, что он Анархист. Между ним и Кукловодом должен стоять еще кто-то, на кого работает Кошмар. Или... с кем.

Саймон откинул полы плаща.

– Анархисты бездействовали девять лет. Скорее всего, девушка – преступница из Одаренных, которая пытается прославиться в городе.

– Вы этого не знаете наверняка, – сказал Адриан, – Да и какая разница? Сегодня они на нас напали – Кукловод и Кошмар, вместе. Неужели этого мало для того, чтобы проверить Анархистов, на совершенно законном основании?

– Этого недостаточно для того, чтобы доказать, что Кошмар – действительно одна из них, – улыбнулся Хью, и эта улыбка, такая теплая и добрая, вдруг раздражила Адриана (ни дать ни взять, ласковый папа утешает сына, уставшего на тренировке по софтбоулу) – Но ты, возможно, прав. Мы поручим кому-нибудь разузнать об Анархистах. Пусть последят, поспрашивают, может, что-то удастся выяснить.

У Адриана начало подергиваться веко.

– Почему меня не послать? А? Оскар и Руби сегодня были на месте – они знают про Кошмар больше, чем кто-то другой. Отправьте туда мою команду.

– Твоя команда отлично справляется с патрулированием, – возразил Саймон, – но вы не следователи. Найдем кого-нибудь, у кого в этом больше опыта.

Адриан массировал виски.

– Я не думаю... Я просто не уверен, что другая команда отнесется к этому так же серьезно, как мы. Сегодня Кошмар показала, что реально опасна, а если в этом замешаны Анархисты? Пора уже перестать считать их безвредными подвальными крысами. Пусть Аса уже нет, даже без него они все равно преступники. Мы не знаем, чего можно от них ожидать.

Хью расхохотался.

– Ты кажется забыл, с кем разговариваешь, Скетч, – он обратился к сыну, используя его псевдоним Отступника, и Адриан не мог понять, понравилось ему это или прозвучало обидно. – Пусть Анархисты попытаются вернуть себе власть в городе. У них нет ни малейшего шанса – и неважно, участвует в этом *Кошмар* или нет. Мы пока еще супергерои, знаешь ли.

Отвернувшись от Адриана, они с Хью и женщиной пошли дальше, к лифтам, обсуждая на ходу уже другие дела Совета – как успокоить горожан после сегодняшней атаки, что им делать с Уинстоном Прэттом и как выйти на торговца оружием, заправляющего на черном рынке.

Скрестив руки на груди, Адриан смотрел им вслед, не в силах отделаться от мысли, что Хью Эверхарт ошибается. Они больше не супергерои – не такие, какими были раньше. И не потому, что постарели или давно не были в деле, а все время заседают в Совете, предоставив борьбу с преступниками молодой смене. Просто теперь у них были правила. Правила они же сами и разработали, но какая разница, если это все равно связывало им руки.

Решение казалось ему простым, совершенно очевидным. Отступникам было известно, где обитают Анархисты. Каждые несколько месяцев туда наведывались их патрули, чтобы убедиться, что никто нелегально не торгует оружием, не делает бомбы и не готовит смертоносные зелья вроде того, какое обнаружили в стреле. Только и надо было – пойти туда и потребовать выдачи этой девицы.

А вместо этого туда отправят кого-то другого, чтобы... чтобы что? Задать пару пустых вопросов, а потом вежливенько извиниться, что отняли у них время?

Кукловод и цианид – оба они Анархисты, хранившие верность Асу с самого начала. Маловероятно, что Уинстон Прэйт теперь действует в одиночку. А то, что Кошмар запрыгнула к нему в корзину, и тот факт, что на ее пуле обнаружен яд Цианида мог счесть совпадением только очень уж наивный человек.

Если Анархисты снова поднимают голову, набирают новых членов, плетут замыслы против Совета, сейчас самое время их остановить, не дожидаясь, пока они наберут силу и выйдут из-под контроля.

Просто нельзя допустить, чтобы они снова вышли из-под контроля. Довольно. Прошло девять лет, но мир до сих пор зализывал раны, нанесенные во время правления Аса Анархии.

Глава шестая

Аэростат врезался с жилой дом чуть южнее Брэкен-вэй. Нова едва успела выпрыгнуть из корзины за секунду до того, как та рухнула на мостовую, и скрылась за углом на соседней улочке. Девушка понимала, что Отступники отслеживают движение шара и будут искать ее. Поэтому, едва переставляя ноги, она все же заставила себя пройти не меньше двух миль. Она петляла по закоулкам и безлюдным дворам, пока не свалилась в изнеможении между прачечной и ресторанчиком, на витрине которого рекламировались блюда под соусом терьяки и чизбургеры. Лежа на асфальте, она смотрела сквозь решетку пожарной лестницы, сквозь бельевые веревки, плотно унизанные кальсонами и полотенцами, на клочки синего неба между кирпичными фасадами. В спину ей впивались камешки, каждый мускул отчаянно ныл, зато каким облегчением было стащить с себя куртку и маску. Свободно вдыхать воздух, пусть даже этот, пахнувший старым маслом, чесноком, а время от времени мокрой псиной.

Только когда появилась настоящая мокрая собака и стала обнюхивать ей волосы, Нова, морщась, поднялась и побрела домой.

Ее снова ждала тень, скудость и запустение повседневной жизни.

Она шла больше часа и наконец добралась до входа на одну из заброшенных станций метро. Отсюда можно было попасть в разветвленную систему туннелей, захваченных Анархистами, когда им пришлось скрываться после победы Отступников. За последние восемь лет Совет не раз обещал восстановить подземку, но пока, судя по всему, руки до этого не доходили. Нова всерьез сомневалась, что это вообще произойдет в обозримом будущем.

С трудом протиснувшись в щель за фанерным щитом, она скользнула внутрь.

Стоило спуститься на несколько ступеней вниз, как ее окружила крошечная мгла. Только на первой лестничной площадке, прежде чем ступить на второй пролет, Нова нащупала на пояском ремне небольшой фонарик и зажгла его. Свет заплясал по знакомым закорючкам граффити, рекламам давно распроданных книг и театральным спектаклей, с которыми в Гатлоне гастролировали больше тридцати лет назад.

Метро Гатлона пало вместе с правительством, на заре революции Аса Анархии. Подземные туннели стали укрытием для тех, кто искал спасения от беспорядков, творившихся наверху. Здесь по крайней мере можно было обрести прибежище, затеряться – а это совсем немало. Сейчас опустевшие туннели принадлежали Анархистам, если не все, то, по крайней мере, эта часть гигантского лабиринта, со сломанными поездами, замусоренными путями и темнотой, которая, казалось, сочилась из стен.

Нельзя сказать, чтобы они очень прятались – Отступники знали, где их найти. Но много лет спустя после Битвы при Гатлоне Лерой обратился к Совету с предложением о перемирии. Так он это назвал. *Перемирие*. Хотя, сказала тогда Ингрид, это мало чем отличалось от униженной просьбы о прощении. Тем не менее, Совет принял эту формулировку. Немногим оставшимся в живых Анархистам предоставили некоторую, весьма ограниченную автономию, это жалкое жизненное пространство, с условием, что они никогда больше не будут использоваться свои способности против Отступников и народа.

Нова не представляла, что подвигло Совет принять предложение, ведь они легко могли всех их повязать и упрятать за решетку. То ли, какой бы праведный гнев не кипел в них, он угас, когда Капитан Хром появился из развалин, крутя на своей пике шлем Аса Анархии. То ли им даже стало жалко Анархистов, проигравших битву и в одночасье лишившихся вождя и дома.

А скорее всего, они просто решили, что Анархисты без Аса больше не опасны.

Отступники до сих пор время от времени наносили им визиты – устраивали рейды, проверяя, не устроены ли в туннелях нелегальные склады оружия и не «шалят ли» здешние обитатели, но в общем и целом им особо не досаждали.

Нове оставалось только гадать, надолго ли сохранится такой порядок вещей теперь, после сокрушительного провала Кукловода на празднике. Если бы там была только она, Отступники еще, может, и не сумели бы вычислить, из какой она группировки. У них могло сложиться впечатление, что она одиночка, сама по себе. Конечно, с появлением Фобии и Детонатора причастность Анархистов стала бы очевидной, но при таком раскладе Совет был бы уничтожен полностью, и все прочее не имело бы значения.

Однако Совет был жив, и теперь, хотя Кошмар до сих пор оставалась для них загадкой, вмешательство Кукловода точно выведет Отступников прямо на них.

Не нужно ей было связываться с этим аэростатом. Только лишнее свидетельство их знакомства.

Если бы не этот новый персонаж... Страж... все могло закончиться совершенно по-другому.

Добравшись до нижнего уровня станции подземки, Нова пересекла платформу. Крысы шмыгали под ногами, но она, не обращая на них внимания, спрыгнула на рельсы и вошла в туннель. Луч ее фонарика обшаривал стены, пока не наткнулся на выключатель, которую Ингрид и Нова смонтировали здесь несколько лет назад. Под потолком замерцали тусклые лампочки, освещая путь в ее жилище.

Нова выключила фонарик и небрежно сунула в сумку, которая сейчас казалась фунтов на пятьдесят тяжелее, чем была утром. Руки горели от усталости. Она чувствовала каждую косточку, каждый мускул – все они болели, ныли и явственно выражали свое недовольство.

Пройдя по туннелю несколько сот футов, она увидела на центральной платформе Ингрид. Та грузила в ржавую магазинную тележку коробки с едой и вещами.

Нова бросила на рельсы спортивную сумку. Ингрид резко повернулась к ней, испуганно вытаращив глаза, но, увидев Нову, тут же успокоилась.

– Вы меня бросили, – заявила Нова, упершись кулаком в бок.

Ингрид только махнула рукой и снова повернулась к лежащим на полках банкам с сардинами и соусом чили.

– Давай-ка, помоги мне лучше грузить.

– Как ты помогла мне?

Досадливо хмыкнув, Ингрид обернулась и недобро уставилась на Нову. На Ингрид все еще был костюм Детонатора – высокие сапоги, обтягивающие брюки цвета хаки, синий топик и синие металлические повязки-спирали, обхватывающие ее смуглые руки от запястий до плеч. Единственное отличие от ее обычного разбойничьего образа состояло в том, что вьющиеся черные волосы были забраны под обруч со стразами – явно позаимствованный у Хани.

– Плюнь и выбрось это из головы, Кошмар, – сказала Ингрид. – Ты знала, на что шла, знала, что в случае неудачи спасательных экспедиций не будет. Но, смотри... ты в норме, я тоде, Фобия... – она преувеличенно громко вздохнула, округляя глаза, – не знаю, чем занят. У него там спиритический сеанс или что-то такое, музыка жутковатая – но, тем не менее, и у него в общем все нормально. Мы все в порядке.

– Не считая Уинстона.

– Уинстон получил по заслугам. Устроить этакую атаку посреди города! Из-за него мы все чуть не погибли. Если ты и должна сейчас на кого злиться, так это на него.

Нова улыбнулась одними губами. Она была сердита и на Уинстона тоже, но чувство вины пересиливало злость – ясно же, что он попался из-за нее.

– А теперь у нас есть дела более неотложные, чем этот кретин, – сказала Ингрид, – так что хватит дуться, бери эту тележку и вези ее к складу под желтой линией.

И она продолжила погрузку.

Нова запрыгнула на платформу и кинула сумку на тележку поверх коробок.

– Считаешь, сегодня будет облава?

– Подозреваю. Отступники будут нарываться на неприятности, – Она подложила на нижнюю решетку тележки еще несколько упаковок быстро разваривающегося риса. – Готово. Они могут зажечь в туннелях свет, но с этим мы хоть голодать не будем.

Откуда-то донеслись еле слышные горестные причитания. Нова повернула голову на звук.

– Хани?

Ингрид передернула плечами.

– И вот так с тех пор, как мы вернулись. Даже в толк не возьму, что ее могло так расстроить. Может, трутень в улье подох. Я не знаю. Не обращай внимания. Давай помогу спустить тележку на пути.

Ингрид подкатила тележку к краю платформы. Перекошенные колеса с резиновыми шинами нещадно скрипели.

– Клянусь, бывают дни, когда я себя спрашиваю – что я вообще здесь с вами делаю, вы ж все конченные люди. Хани – вообще безнадежный случай. Лерой вечно нюхает какие-то химикаты, так что в мозгу у него клеток почти совсем не осталось. А уж Фобия – день от дня становится все чуднее, ты сама-то не замечала? – Она соскочила на пути и поддержала перед тележки, которую Нова толкала на нее.

– Может быть, – откликнулась Нова, когда тележка оказалась внизу, – ты не уходишь из-за меня.

Ингрид фыркнула.

– Да что ты, золотце мое. Ты ж сегодня стреляла в самого Капитана. – Она поцокала языком, но впервые с начала разговора в ее глазах мелькнуло что-то похожее на теплоту, – Ты, похоже, самая безбашенная из всех.

– Это была твоя идея.

– Точняк.

К тому времени, как Нова, толкая тележку с запасами по неровной, в колдобинах, дороге, докатила ее до склада на желтой линии (он кишел тараканами, и обычно Отступники не совали туда нос), руки у нее просто отваливались. Добравшись, наконец, до дома – заброшенного вагона – она с наслаждением бросила сумку на пол.

Вскипятив воду в маленьком электрическом чайнике, Нова приготовила себе чаю. Это было частью ежедневного ритуала и вносило какую-то размеренность в жизнь. Хотя чай никогда не помогал ей уснуть и даже не особо успокаивал, как ему полагалось, все же чаепитие было знаком, что день окончен и наступает ночь. Это немного напоминало нормальное существование – что-то простое и успокаивающее, как бы подготовка ко сну (даже если после этого она и не ложилась в постель).

С кружкой в руке Нова направилась назад, в туннель.

Завывания Хани стали громче, когда Нова подошла к чулану. Ее плачу вторило гудение ульев.

– Хани! – позвала Нова, плечом толкая массивную дверь.

Хани Харпер, известная, как Королева Пчел, опять была не в духе. Она, как всегда, если дела шли из рук вон плохо, густо накрашила глаза черной тушью с блестками и стянула белокурые кудряшки в непокорный пышный хвост. В длинном платье, подчеркивающем ее соблазнительные округлости, Хани вертелась перед большим, в полный рост зеркалом и то оценивающе разглядывала себя, то, закрыв лицо руками, ударялась в слезы.

Кричаще-яркая и вся такая эффектная – на грани нелепости, она вполне могла бы сойти за кинозвезду прошлых лет... если бы не пчелы.

Не считая скудной остановки – неубранной постели, туалетного столика, антикварного платяного шкафа – все пространство было занято ульями, осиными гнездами и крошечными существами, жужжащими громче бензопилы. Симпатичные увальни-шмели и медоносные

пчелы, шершни и осы всех сортов – некоторые были размером с большой палец Новы. Хотя все они вольны были улететь через туннель, здесь их всегда роились тысячи, и все были чем-то заняты, хлопотали, строили. Около сотни насекомых облепили платье и кожу Хани. Две пчелы, заметила Нова, запутались в липких от лака прядях волос.

Нова как-то заметила, что строго говоря, шершни, осы и шмели – это вовсе не пчелы, так как же Хани удастся ими командовать, если ее власть по идее распространяется только на пчел. Но та лишь загадочно улыбнулась и, кокетливо приложив к щеке палец, шепнула: «Хорошо быть королевой».

Нова тогда была еще маленькой – разговор этот случился еще до ухода в подземку.

Когда Отступники одержали победу, Хани досталось больше других – она восприняла как личный выпад против себя и своих обожаемых подданных то, что их загнали в мрачные, без солнечного цвета пещеры – между тем, как Тараканы, Вандалы и прочие банды продолжали шнырять по городу наверху, хотя и под наблюдением Отступников. Тогда она и впрямь жила королевой, и теперь порой воображала, что остается ей. Скорее всего, она немного выжила из ума, так упорно отказываясь принять эту новую реальность.

– Хани! – снова позвала Нова, уже громче, стараясь перекрыть жужжание.

Густо покраснев, Хани резко обернулась.

– Что еще? – рявкнула она.

У нее потекла тушь на одном глазу, оставив на щеке темные дорожки. Но от этого она не перестала выглядеть красавицей, как будто такая деталь была частью образа. Многие мужчины, пожалуй, были бы не прочь попытаться счастья у такой девушки – если бы не злющие осы, снующие у ложбинки ее груди.

Увидев, кто пришел, Хани выпрямилась во весь рост, оказавшись выше Новы на полголовы. На блестящих губах ее появился намек на улыбку. Она никогда не пользовалась помадой, только мазала губы медом – лучшим природным увлажнителем, как она не раз говорила Нове, прозрачно намекая, что неплохо бы и ей воспользоваться этим средством.

– Прости, милая, – со вздохом заговорила Хани. Она взяла с туалетного столика бокал martini и отпила, не обращая внимания на сидящего с краю шмеля. – Я не услышала, как ты вошла.

– Не страшно. Ты можешь мне одолжить...

– Я думала, ты наверху. Здесь сегодня так тихо. Куда все ушли?

Нова ладонями обхватила бока своей кружки. В туннелях было холодно, и теплая глина приятно грела пальцы.

– Смотреть праздник.

Густо подведенная бровь удивленно вздернулась.

– А он был сегодня? Как все прошло?

Нова уже открыла было рот, чтобы поведать Хани, как провалила задание. Однако, помолчав, сказала другое.

– На платформе со злодеями была актриса, изображавшая тебя.

Хани вздрогнула. Шмель свалился в напиток, она не глядя достала его и стряхнула на столик.

– Она была очень хорошенькая, – добавила Нова. – Ну, конечно, никакого сравнения с этим (она кивнула на платье Хани), но все-таки. Да, очень классная. По мне, так даже лучше всех.

Хани задумчиво смотрела в бокал. Длинные накладные ресницы касались ее щек, и в это мгновение она была похожа на портрет. Печальная и неприкаянная. Королева без своего королевства.

– Что ж, может быть меня еще не забыли.

– Ой, да перестань, – Нова опустила в кружку чайный пакетик. – Ну разве можно тебя забыть?

Слабая улыбка тронула глянцевые губы Хани, по которым как раз ползла желтая оса.

– Я к тебе по другому делу, – Нова подняла кружку, от которой валил пар. – Ты не можешь мне одолжить денег?

Хани блестящими глазами уставилась на нее и вздохнула.

Чай уже почти остыл, когда Нова вышла от Хани и направилась к развилке туннелей. Она прошла мимо еще одной заброшенной платформы – оббитые грязные плитки на стене сообщали, что это Блэкмирский вокзал – и остановилась, задумалась.

На платформе были установлены три цирковых шатра, небольших – детям по размеру и такой высоты, что в каждом из них едва можно было выпрямиться. Полосатые, когда-то кричаще-яркие, за долгие годы они выцвели, покрылись копотью и грязью. Все три шатра соединялись между собой с помощью изорванных в клочья откидных клапанов, к которым были подшиты лоскуты старых спальных мешков и простыней. В целом конструкция напоминала небольшой палаточный дворец. Однако самым поразительным было то, что вместо обычных флагов-вымпелов кто-то насадил на крышу каждого тента по кукольной голове. Черные кукольные глаза вперились в каждого, кто осмеливался подойти.

Нова поставила свою кружку с чаем на платформу, потом вскарабкалась на нее сама. Приподняв клапан, она вошла в одну из палаток, обождала, пока глаза привыкнут к темноте и поморщилась: в нос ей ударил узнаваемый запах кукловода – Уинстон Прэтт никогда не было фанатом личной гигиены.

Стараясь не дышать, Нова перешагивала через сломанные заводные игрушки и коробки с высохшими красками. Так она пробралась ко второму шатру, где обнаружилась детская деревянная кухонька, забитая посудой и едой – настоящей и пластмассовой.

Она рылась в игрушечном холодильнике и шкафчиках, пока не обнаружила пакет попкорна и шоколадку. Добычу она рассовала по карманам.

В ближайшее время Уинстон за этим не вернется.

Когда, наконец, Нова добралась до вагона Лероя и увидела в окне зажженный фонарь, чай был чуть теплым. Здесь в сырых туннелях все быстро остывало.

Нова постучала в боковую дверцу.

– Входите, но я ни за что не отвечаю, – послышалось знакомое приветствие.

Девушка приоткрыла стеклянную дверь, давным-давно покрашенную черной краской, и вошла в вагон. Лерой, известный всему миру, как Цианид, стоя у рабочего стола, отмерил ложку какого-то ядовито-зеленого порошка и всыпал его в колбу с желтой жидкостью. Смесь зашипела и начала пузыриться.

Лерой поднял взгляд на Нову и улыбнулся, сдвинув на макушку защитные очки.

– Вид у тебя просто жуткий.

– Умеешь ты подбодрить, спасибо, – с этими словами она повалилась в глубокое коричневое кресло. Его обивка как-то стала домом для целой семьи мышей, а искусственная кожа была изодрана в клочки, и все же на всей западной линии по-прежнему не было уютнее и комфортабельнее сиденья.

– Над чем работаешь?

– Ничего особенного, маленький эксперимент, – ответил Лерой – толстячок маленького роста. Темные волосы вечно падали ему на лоб, а лицо напоминало лоскутное одеяло из-за множества шрамов и пятен, итога неудачных экспериментов прошлых лет. Во рту у него не хватало трех зубов, брови обгорели, от него вечно пахло химикатами – но у Новы это был самый любимый из всех Анархистов.

– Как прошел парад?

Она пожала плечами.

– Мы не поубивали Совет. И никого из Отступников, вообще-то.

– Позор.

– Зато я, кажется, сломала крыло Гром-птице.

Лерой, удовлетворенно улыбаясь, поднял колбу. Смесь в ней уже перестала пузыриться.

– Тебе удалось использовать дротик?

Нова сильнее нахмурилась.

– Я попыталась. И промахнулась.

– Может, в следующий раз, – рассеянно хмыкнул Лерой.

Нова откинулась на спинку, и подставка для ног запрокинулась кверху.

– Там был Уинстон.

– Вот как?

– Это не планировалось.

– Мне тоже так казалось.

Нова окинула взглядом металлические балки, тянувшиеся вдоль вагона. Пожелтевшие от времени карты города. Потолок, потрескавшийся с одной стороны.

– Его схватили Отступники, – Она отпила чай. – Наверное, это я виновата.

Лерой не ответил. Нова смотрела, как он работает. Отмеряет, доливает, смешивает.

Поставив кружку на пол, она подняла руку вверх и заложила за голову, пытаясь размять мышцы.

– Пожалуй, я смогла бы спасти нас обоих, если бы попыталась.

Заткнув пробкой одну колбу, Лерой написал что-то на этикетке.

– Будь он сильнее Отступников, не попал бы им в руки.

Это звучало логично. Логика Анархистов. Удобная, безупречная логика.

– Так или этак, – сказала Нова, разминая вторую руку, – Ингрид уверена что сегодня вечером Отступники устроят на нас облаву, в отместку, или, чтобы выяснить, кто из нас причастен к покушению.

– Надеюсь, к их приходу ты надежно укроешься.

– Я да, но... тебе-то не нужно припрятать что-то из твоего барахла?

Лерой усмехнулся, скривив рот на сторону.

– Хочешь верь, хочешь нет, но все, что я здесь делаю, совершенно легально.

Нова не поняла, шутит он или говорит серьезно.

– А-а, ну... только не говори потом, что я тебя не предупредила.

– Предупреждение принято, с сердечной благодарностью, – он вынул из шкафа пустую банку и пробирку. – На параде что-то говорили об испытаниях?

– Да так, будто это национальный праздник, – проворчала Нова и ехидно процитировала, – *Есть ли в тебе то, без чего не стать героем?* Брр! Убейте меня веником!

Она достала из кармана попкорн и разорвала пакет. Пластик хрустел и скрипел под ее руками. Девушка протянула пакет Лерою, но тот только покачал головой.

– Миру нужны герои, – заметил он и, снова водрузив на нос защитные очки, стал переливать раствор в бутылку. Стекла очков увеличивали его глаза раза в три.

– Об этом нам и твердят всю дорогу, – Нова бросила в рот горсть попкорна, – Но мы с тобой знаем, что миру было бы спокойнее без всяких героев. Без злодеев. Без нас всех мир потихоньку стал бы нормальным – счастливые люди и нормальная, счастливая жизнь.

Губы Лероя изогнулись в намеке на улыбку.

– Ты никогда не думала о том, чтобы самой попробовать?

Нова рассмеялась.

– Что, податься в Отступники?

– Им неизвестно, кто ты такая, как выглядишь, – Лерой уменьшил пламя горелки и поставил стеклянную банку на штатив. – Из тебя вышел бы недурной шпион.

– А ничего, что я не смогу притворяться, что уважаю этих святош, выскочек, зазнаек... этих *героев*. Надолго меня не хватит, и ничего полезного я не успею разузнать.

Лерой пожал плечами.

– Ты смогла бы, если б захотела.

– Не говоря уже о том, чтобы пройти их проверку, – продолжала она. – они ведь не каждого принимают в свою шайку-лейку, сам знаешь. Ты правда считаешь, что девушку по фамилии *Артино* там примут в распростертыми объятиями?

Лерой пренебрежительно махнул рукой.

– Сущие мелочи. В этом городе добыть поддельный паспорт не проблема. Преступники мы или нет?

– Чувствую, ты давно все продумал.

Он сверкнул глазами.

– Задумался только, когда они объявили, что возобновляют испытания. Ас любил повторять, что знание – это сила, и был прав. Жаль, что сейчас и все знания, *и* сила сосредоточены в руках Отступников.

Нова поднялась, прихватив полупустую кружку.

– В такой ситуации отправить меня на испытания – крутой план. Но вообще-то мне пока жить не надоело.

– Поверь в себя, кошмарик, – сказал Лерой, – Я в тебя верю.

Нова фыркнула.

– Я подумаю об этом, – обещала она, открывая дверь. – И не зови меня так.

Лерой только улыбнулся.

Глава седьмая

Адриан закинул ноги на низкий журнальный столик и поставил на колени мисочку с хрустящими хлопьями. Так он обычно ужинал, когда родители работали допоздна. Такое бывало частенько, а уж после событий прошедшего дня он точно не ждал их домой рано.

Взяв пульт, он включил вечерние новости. На экране телевизора появились любительские кадры праздничного шествия – в кадр попал аэростат Кукловода, дрейфующий над улицами Гатлона. Внизу кричащие от ужаса люди, отталкивая друг друга, пытались унести ноги. Закадровый голос комментировал происходящее, называл статистику. С тех пор, как Адриан в последний раз слышал новости, цифры изменились. Сейчас объявили, что число пострадавших выросло до шестидесяти восьми, причем более пятидесяти человек госпитализированы в городскую больницу Гатлона, а два Отступника, в том числе член Совета Тамаяя Раи, ранены и проходят лечение в здании штаба Отступников. К счастью, жертв не было. Виновник, Анархист Уинстон Прэтт, известный, как Кукловод, задержан...

Адриан отвернулся от экрана и нащупал лежащий сбоку блокнот. Откинув обложку, он начал пролистывать страницы, пока не нашел последние свои рисунки – эти торопливые наброски он сделал сразу, как только вернулся домой, пока еще идея была свежа в памяти.

Набив рот хлопьями, он поднес блокнот к глазам, рассматривая рисунки.

Задумки для парочки новых наколок.

Вначале он не планировал увеличивать их количество и каждую татуировку считал последней, но с начала эксперимента прошло только два месяца, а на коже было уже три наколки.

А сейчас, после столкновения на крыше, он многое понял о своих возможностях. Точнее, он многое понял о возможностях Стража.

У него еще есть потенциал. И очень большой – он это знал. Броня сработала именно так, как он и ожидал, не сковывала движений и надежно защищала, хотя Кошмар и сумела отыскать в костюме уязвимое место.

Пружины на пятках вообще действовали волшебным образом. Когда впервые, оттолкнувшись от тротуара, он подскочил до третьего этажа, чувство было такое, будто он летит.

Но вот огонь... с огнем возникли проблемы.

Когда Адриан это задумал, план казался блестящим. Это была, вообще-то, самая первая татуировка, которую он себе наколот, не зная еще, что из этого получится. Но оказалось, что его рисунки не только не утратили силу, став татуировками, но и наделили Адриана доселе невиданными и совершенно реальными сверх-возможностями.

О манипуляциях с огнем мечтали все. Настоящая классика, у которой была масса разновидностей, от зажигания свечей в день рождения до поджога целого склада, где незаконно хранились наркотики.

Адриану не приходилось иметь дела с подобными складами, но если бы *пришлось*, хотелось бы знать, что он в состоянии с этим что-то сделать.

Но огонь непредсказуем. Это сила природы – дикая и необузданная.

Адриан предпочел бы что-то более четкое, упорядоченное. Нечто такое, чем можно управлять, точно поражать цель – даже ему, далеко не самому лучшему стрелку среди Отступников. Необходимо было понизить вероятность того, что он снова поразит своего же товарища.

Первой мыслью было встроить в броню еще модуль – какое-то огнестрельное оружие. Но затем Адриан вспомнил девчонку, несколько лет назад ходившую к ним на тренировки – эта Одаренная выпускала узкие пучки энергии прямо из лба, поражая любую цель. Почти все называли пучки лазерами, но на самом деле это были не лазеры. Адриан, собственно, и не знал толком, *что* это такое, зато ему было известно, что пучки энергии достаточно мощны, чтобы

сбить противника с ног и даже лишить сознания, не оставляя следов, как от пули. Ни самой пули, ни стреляной гильзы, ни открытых ран.

Совершенное оружие.

Оставалось только придумать, как встроить такое оружие в броню Стража... и какая татуировка сможет наделить его такой силой. Адриан и сам удивлялся, что может воплотить практически любой свой рисунок – лишь бы сперва убедить самого себя, что в реальности такое возможно. Важно при этом не терять голову. И рассуждать здраво.

Пружины на подошвах ног. Языки пламени на предплечьях. Застежка-молния на груди – открыв ее, он извлекал и активировал костюм.

А теперь это будет что-то вроде светодиода. Длинный, узкий цилиндр, на этот раз на правом предплечье. Он окажется встроенным в бронированную перчатку Стража, уже заряженный и готовый начать стрельбу...

Положив блокнот перед собой, Адриан снова сунул в рот полную ложку хлопьев.

– ... и последнее: Кукловод, разумеется, задержан, и это хорошо. Но на мой взгляд совершенно недопустимо, чтобы такое множество невинных людей пострадало, пока преступника ловят.

Внимание Адриана снова вернулось к телевизору. Двое мужчин и две женщины, нарядные и ухоженные, сидели вокруг стола в студии.

– Вот именно! – воскликнул один из мужчин, подавшись вперед и гневно тыча пальцем в говорившую женщину, хотя, кажется, был с ней согласен. – Совершенно недопустимо. Разве не было известно, что это массовое мероприятие соберет огромную аудиторию? Куда смотрела безопасность? И почему Совет так долго ничего не предпринимал? Их обязанность нас защищать, но складывается впечатление, что сегодня их больше волнует негативное освещение событий журналистами, чем охрана города от того безумца.

– В защиту Совета, – другой мужчина успокаивающе поднял вверх руки, – у нас есть свидетельства того, что в первые же минуты нападения Капитану Хрому удалось спасти семейных детей от воздействия Кукловода. Остальные члены Совета и несколько Отступников эвакуировали буквально сотни горожан в безопасные места, в ближайшие дома и на автостоянки.

Первый ведущий попытался было его перебить, но говорящий остановил его жестом и продолжил.

– Это связано с тем, что повторял нам Совет с первых же дней возникновения Отступников как организации: они всегда в *первую* очередь направляют свои действия на спасение человеческих жизней и во *вторую* – на отражение атаки. Сегодня они следовали своим правилам, и я ими восхищаюсь. Это было совсем не просто, особенно учитывая, что целью *первую* очередь были сами члены Совета Кукловода.

Адриан поднес миску к губам и отпил глоток розоватого молока.

– Да, это так, – вступила в разговор одна из женщин, – но множество несчастий можно было предотвратить, останови они его сразу!

Ведущий пожал плечами.

– А что если бы те горожане, которых они вывели из-под удара, погибли? Все просчитать невозможно.

– Горожане горожанами, но мы знаем, – заговорила первая женщина, – что Уинстон Прэйт, скорее всего, так и ушел бы безнаказанным, если бы та горе-убийца не сбросила его с собственного аэростата. Мы и дальше будем умалчивать об этом факте?

Она картинно воздела руки, как бы в горестном изумлении.

– Кошмар! Что известно о ней? Откуда она явилась? Мы ничего не знаем кроме того, что сегодня она едва не убила Капитана Хрома, серьезно ранила Гром-птицу и скрылась от патруля Отступников, сразившись одна против троих. Это кого-нибудь волнует?

– Меня, – отозвался ее сосед. – Но еще больше меня волнует то, что подобная выходка одиночки – а это была выходка *одиночки* – может быть тревожным симптомом. Ведь и другие Одаренные могут пожелать выйти из тени и снова начать все громить и разрушать. Это доказывает, что Отступники, возможно, вовсе не контролируют город, как пытаются нам внушить. Новые злонамеренные Одаренные пока сидят тихо. И если дело обстоит так, я хотел бы услышать от Совета, что планируется делать в связи с этими угрозами.

– Надеюсь, – сказала вторая женщина, – у них есть план лучше и надежнее, чем сегодняшний!

Хмурясь, Адриан схватил пульт и выключил телевизор. Откинувшись на диванные подушки, он зачерпнул еще хлопьев. В наступившей тишине хруст прозвучал до нелепости громко – крашенные рисовые зернышки исчезали, грохоча на всю гостиную. Не станет смелым тот, кому неведом страх.

Поразительно, но вопросы ведущих теленовостей совпадали с теми, что вертелись у него в голове с самого утра.

Кошмар. Полная тайна. Но только ему известно кое-что еще более таинственное, слова, которые он не мог забыть.

Не станет смелым тот, кому неведом страх.

Адриан спустил ноги на ковер, поставил миску на столик и взял блокнот.

Скрипя деревянными половицами, он босиком прошлепал в переднюю, оттуда по дубовой лестнице поднялся на второй этаж. Это был старый, роскошный дом. Когда-то он принадлежал мэру – когда в Гатлоне еще был мэр. В этом самом доме, в первые дни Века Анархии их и убили – самого мэра, всю его семью и кое-кто из прислуги. В детстве Адриан верил, что их духи до сих пор бродят по верхним этажам, потому и умолял устроить ему комнату в подвале. Разумеется, он давно уже не верил в слоняющихся по дому призраков, но, когда поднимался на второй этаж (с хозяйской спальней и несколькими гостевыми комнатами), по спине все равно частенько пробегал холодок. Впрочем, заходил он сюда нечасто. Его владениями были подвал, кухня и гостиная.

Однако сейчас Адриану было позарез нужно взглянуть на то, что хранилось здесь, в родительском кабинете.

Поднявшись, он щелкнул выключателем. Лампа загорелась, осветив темные деревянные двери, вычурную лепнину под потолком, потертую ковровую дорожку по всей длине узкого коридора.

Когда родители решили переехать сюда, дом был в ужасном состоянии. Во время Анархии его грабили и разрушали все кому не лень, но Саймон счел, что нельзя обрекать место с такой богатой историей на вечное запустение. Дом был символом иного, мирного времени и цивилизованного общества, в котором уважали порядок, законы и власть.

Вот так они и въехали сюда. С тех пор дом непрерывно ремонтировали. Адриан очень смутно помнил, как ужасно все здесь было тогда. Он замирал от ужаса при одной мысли о переезде в этот дом – кругом горы мусора и окурков, толстый слой пыли на всем, мрачные, покрытые граффити стены, где из дыр свисали оборванные провода, а углы были затянуты густой паутиной. Но вскоре мечты родителей заразили и его, и в последнее время он с не меньшим рвением, чем они, участвовал в восстановлении жилища. Его таланты нашли применение. Когда ломались ставни или отваливался кусок перил, Адриану легче было просто нарисовать новую деталь, чем разыскать умельца, который смог бы скопировать ее. В итоге Адриан гордился домом не меньше, чем родители, хоть и избегал по старой памяти те комнаты, где произошли убийства.

Сунув блокнот под мышку, он толчком открыл дверь в кабинет. Скрипнули дверные петли. Свет из коридора прорезал густые тени комнаты. Войдя, Адриан нажал кнопку старинного выключателя, одной из немногих уцелевших в доме настоящих вещей. Комната ожила:

люстра – пять небольших янтарных абажуров – окрасила ее в тончайшие оттенки золотистого цвета.

На письменном столе посреди кабинета царил хаос, на книжных полках кавардак. До порядка ли в комнате тем, кто управляет целым городом, а все свободное время тратит на ремонт дома.

Не обращая внимания на кипы бумаги, валяющиеся повсюду папки, конверты, журналы и газеты, Адриан уверенно подошел к полке, на который между устаревшим географическим атласом и сломанным радио была втиснута пыльная стопка фотоальбомов.

Он положил руку на корешок альбома в коричневой суперобложке и вытянул его из-под других. Остальные альбомы со стуком обрушились на полку. Адриан, не обращая на это внимания, уселся прямо на ковер. Примостив альбом поверх своего блокнота, он перелистнул первые страницы. С тех пор, как он раскрывал этот альбом, прошли годы, но большая часть фотографий отпечаталась в его памяти.

Нечеткий снимок с его третьего дня рождения: он сидит среди груды коробок и вороха разорванных газет (заменявших в те годы нарядную оберточную бумагу), сзади стоят, улыбаясь, мама и Касуми.

На другой фотографии мама держит его у себя на боку, стоя перед множеством сумок и коробок, доверху набитых консервными банками и пачками макарон. Другие Отступники из числа первых тоже все здесь, кроме Саймона – по всей видимости, он выступал в роли фотографа. Адриан помнил, что происходило в тот день: они удачно отбили всю эту еду со склада, которым заправляла одна из банд. Бандиты продавали припасы населению по запредельным ценам.

После этого мама перестала появляться на фотографиях, а сам Адриан через несколько страниц из щекастого карапуза превратился в тоненького восьмилетнего мальчугана. Два его отца стояли сзади, положив руки ему на плечи, и горделиво улыбались. Сам он тоже радостно улыбался, хотя теперь трудно было вспомнить, что он чувствовал на самом деле. Это был день, когда Адриана официально усыновили – с момента гибели его матери прошло около года. Рана была еще свежей, но оформленные документы странным образом успокаивали – ему казалось, что теперь, наконец, он больше не плывет куда-то без якоря, без семьи и без дома, и эта определенность казалась тогда невероятно важной.

Потом, задним числом, Адриан догадался, что никакого *официального* усыновления тогда быть не могло. Эвандр Уэйд подготовил свидетельство об усыновлении, но не было никакого государственного органа, чтобы его заверить. Его родители сами творили законы на ходу. Видимо, им передалась тревога и потерянности мальчишки, не имевшего собственной семьи (хотя они с самого начала взяли на себя заботу о нем). Видно, они почувствовали, как важны для него могут быть несколько подписей и официального вида синяя печать.

Адриан пролистал страницы с праздника по поводу усыновления, пропустил даже тот самый внушительный на вид документ, лежащий между страниц. Еще пара дней рождений, пара праздников – хотя, чем старше становился Адриан, тем все менее популярна становилась фотография. После десяти лет снимков почти не было – но его это и не напрягало. Он не большой любитель путешествий по волнам памяти.

Наконец, почти в самом конце альбома он нашел то, что искал. Газетную вырезку, сложенную в несколько раз и засунутую в пластиковый файл. Адриан вытащил листок. Бумага слегка пожелтела, и это показалось ему странным. Не так уж долго она здесь лежит – не настолько, чтобы время разрушило этот клочок. Иногда ему казалось, что все случилось вчера.

Правда, в другие дни казалось, что с тех пор прошла целая жизнь.

Адриан поправил на переносице очки и развернул вырезку из «Гатлонских ведомостей» – единственной местной газеты, которая продолжала выходить в Век Анархии, хотя и под дав-

лением бандитов, требовавших от журналистов освещения некоторых событий в мягко говоря не совсем честном ключе.

Тем не менее у Адриана были все основания считать *эту* заметку правдивой.

На черно-белом фото была изображена она во всей супер-героической красе – ноги в белых сапогах уверенно стоят на земле, золотистый плащ полощется на ветру, знакомая улыбка как бы говорит фотоаппаратам, что они могут начинать. Все это являло трагический контраст с заголовком, напечатанным выше крупным шрифтом.

ЛЕДИ НЕУКРОТИМАЯ МЕРТВА.
УБИЙЦА НЕИЗВЕСТЕН.

Адриан не ожидал, что эти слова так ранят его даже спустя столько лет. Он множество раз перечитывал эту заметку, знал наизусть – и все-таки ее вид причинял боль. Адриан смирился с тем, что мать умерла. Он приспособился жить без нее. Привык к мысли, что ее убийца, кем бы он ни был, почти наверняка и сам был убит в День триумфа. Это хотя бы отдаленно походило на акт правосудия, несмотря на то, что тайна ее смерти так и не была разгадана.

Но все это было раньше, до того, как Кошмар произнесла свои слова. Фразу, которая его завораживала, которая значила для него неизмеримо больше, чем для других. Неужели она знает?

Но... откуда?

Адриан водил глазами по колонкам, пока не отыскал в заметке нужный абзац.

Вскрытие выявило множественные переломы костей и осколочные переломы черепа, что согласуется с версией о гибели в результате падения с седьмого этажа на асфальт – коронер констатировал, что именно это явилось причиной смерти.

Хотя никаких следов насилия не обнаружено, версия о самоубийстве почти сразу была исключена из-за одной улики: за ремень Леди Неукротимой был заткнут обычный листок белой бумаги с надписью: «Не станет смелым тот, кому неведом страх».

Адриан опустил руку с вырезкой и невидящим взглядом уставился в стену за письменным столом.

Ее кто-то убил. Скорее всего, злодей, которому удалось как-то обмануть ее, справиться с ее собственной сверхспособностью – потому что как, скажите, мог человек умереть от падения с седьмого этажа, если он умел *летать*?

Адриан закрыл глаза. Прошли годы, но воображение услужливо подсуло ему ту картину, из-за которой он не мог спать по ночам – изуродованное тело матери. Переломанные кости. Разбитый череп. В заметке об этом не говорилось, но Адриан знал: ходили слухи, что глаза у нее были открыты, а лицо искажено беззвучным криком.

По спине у него побежали мурашки.

Не станет смелым тот, кому неведом страх...

Откуда Кошмар знает эти слова? Сама она слишком молода, чтобы быть причастной к убийству, но что если убийца до сих пор жив? Что если она знает его? Они соратники?

Но если она на самом деле входит в шайку Анархистов, разве не логично предположить, что убийца матери – один из *них*?

Адриан вскочил, уронив альбом на пол, и почесал в затылке. Глядя перед собой невидящими глазами, он шагнул по кабинету, от стены к стене.

Совет намерен поручить кому-нибудь обследовать логово Анархистов и найти доказательства того, что с ними связана Кошмар или что к нападению на парад были причастны и другие члены группировки. Если удастся, задержать Цианида за соучастие. Не исключено, что патрульный отряд уже сейчас занят этим делом. «Опытный» отряд.

Но он, Адриан – единственный, кому известно об этой связи с давним происшествием десятилетней давности. С убийством Леди Неукротимой. Одной из первых Отступников. Его мамы.

Если ее убийца еще жив и до сих пор ходит по земле... Адриан должен это знать. И, насколько он может судить, единственный человек, способный дать ему ответ – это Кошмар.

Проглотив ком, он прижал руку к груди, где под футболкой скрывалась татуировка – застежка-молния.

Ноги сами остановились.

Для Адриана Эверхарда нарушение прямого приказа и попытка на свой страх и риск заняться Анархистами была чревата слишком многими последствиями – и для него самого, и для его отряда. Скетч не мог действовать сам, а тем более вовлекать в это других. Для этого маловато одной фразы, которой никто кроме его не слышал.

Адриан понимал, что это опасно и, пожалуй, не очень умно. Первый выход Стража прошел не так, как он планировал. Но он ведь уже пытался, просил разрешения – и пробовать еще раз бесполезно.

Он мог бы рассказать обо всем Совету. О Страже и его новых сверхспособностях. О том, что сказала ему Кошмар. Скоро он все им расскажет.

Он ничего от них не скроет – после того, как сам получит некоторые ответы.

Глава восьмая

Нова любила туннели за то, что в них не было ни дней, ни ночей. Там, наверху, Нове становилось грустно, когда на витрины опускались ставни и под утро даже самые отпетые полуночники поддавались соблазну сна. Нет, она не боялась одиночества, просто иногда становилось скучно и тоскливо было дожидаться, пока мир пробудится от сна и вернется к унылому, несчастному бодрствованию.

В туннелях же день и ночь не особо различались. Единственным напоминанием Нове о восьми дополнительных часах, имевшихся в ее распоряжении, был храп Ингрид, раздававшийся из заброшенной шахты эскалатора, которую та звала своей спальней. Да, у Ингрид все было громко – бомбы, темперамент – и уж, конечно, сон.

Нова выдержала дротики из мишени и отошла подальше по туннелю, собираясь еще потренироваться. Она провела тут всю ночь. В ночные бессонные часы ей нравилось работать над своими изобретениями, мастерить новое оружие, медитировать, оттачивать навыки в боевых искусствах или устраивать тренировки на силу и выносливость – словом, отрабатывать любые навыки, которые могли оказаться полезными при стычке с Отступниками.

Но сегодня ее не покидали воспоминания о параде. Те мгновения на крыше. Когда она держала на мушке Капитана Хрома.

Она могла это сделать. Она – Кошмар, Нова Джин Артино, могла и должна была поразить неуязвимого Капитана Хрома.

Но она дрогнула. Медлила, не нажимая на спусковой крючок – и провалила дело.

Больше никогда.

Она дошла до линии, которую прочертила мелом поперек путей, и зарядила дротиками винтовку. Не ту, с которой была днем на крыше – ту Красная Убийца вырвала у нее из рук – а другую, из коллекции Ингрид.

Нова взвесила оружие на руке. Подняла и прицелилась. Навела на первую мишень.

Выстрел.

Еще.

И еще.

И еще, пока не расстреляла все дротики.

Выдохнув, пошла собирать их. Только подойдя близко к мишеням, Нова могла оценить точность стрельбы.

Прямые попадания. Дюжина дротиков поразила зрачки у дюжины журнальных вырезок – на каждой глянцевой странице по смазливой физиономии Капитана.

Нова даже не улыбнулась, выдергивая из стены дротики. Это рутина, обычная огневая подготовка. Она спасовала, когда дошло до серьезного дела. Когда был шанс все изменить.

Революции немислимы без жертв. Кто-то должен погибнуть, чтобы другие жили. Это трагично, но это правда.

С детства и по сей день Нова помнила, эти слова Аса. Она спросила, почему так много людей умирают ради того, чтобы другие стали свободными. Тогда, ребенком, она еще понятия не имела о том, что в прошлом, за столетия до века Анархии, Одаренных ненавидели и преследовали. И все равно ее, шестилетнюю девчущку захватывала страсть, с которой говорил Ас.

Мало кто сегодня понимал, чего добивался Ас. Он вовсе не хотел, чтобы мир стал таким, каким стал. Без сомнения, поначалу его действия были жесткими и разрушительными, но он был прав – революции всегда начинаются именно так. Но конечная цель, к которой он стремился, заключалась в том, чтобы Одаренных вроде него самого перестали угнетать и запугивать, принижать их и помыкать ими. Он сражался за мир, в котором все смогли бы жить свободно и заниматься каждый своим делом, не мешая друг другу.

Это уж потом *другие*, охочие до власти люди... и злодеи из числа Одаренных, и простые, не наделенные сверхспособностями, начали драться за первые места. Из-за них в мире без правил и начался хаос.

Нова не желала возвращения Века Анархии. Ей не хотелось, чтобы невинные люди гибли, как погибла ее семья. Она хотела только свободы, которую обещал Ас, свободы для нее и ей подобных. Она мечтала, чтобы Отступники во главе с Советом оставили их в покое, ее и всех Анархистов.

Проклятье, да пусть этот Совет вообще всех оставит в покое – вот чего она хочет. Они-то, конечно, уверены, что очень хороши в роли высшей власти, правящей элиты, вот только обществу они не нужны – но Совет слишком много о себе возомнил, чтобы признать: люди в них не нуждаются.

Людям давно пора научиться самостоятельности, но этого никогда не случится, пока всем заправляют супергерои.

Она мерно шагала по путям, как вдруг почувствовала подземный толчок. Нова покачнулась и рукой оперлась о стену, чтобы устоять на ногах. С высокого потолка струйками посыпалась пыль и цементная крошка. Рельсы под ногами вибрировали, и на мгновение Нова замерла от жуткой фантастической мысли, что по путям несется поезд – а ей некуда скрыться.

Вибрация прекратилась. Земля под ногами содрогнулась еще несколько раз, после чего все стихло. Нова заглянула в туннель, размышляя о том, не землетрясение ли это было – подземное, глубоко в толще земли, а может быть, даже за сотни миль отсюда. Тогда беспокоиться не о чем. Эти древние туннели и не такое видали, наверное.

Но тишина была нарушена снова, на этот раз оглушительным треском. В туннеле невозможно было определить, откуда и с какого расстояния доносится звук, но в одном Нова теперь была уверена.

Отступники вернулись.

Она подхватила винтовку, зарядила один дротик в патронник, остальные сложила в висящую на поясе сумку. Хотя Лерой не успел смазать их ядом, она и без этого найдет им применение.

Закончив, она побежала в ту сторону, где стояли их вагоны. Домчавшись до основной платформы, Нова заставила себя перейти на шаг. Без капюшона и маски она не могла выступить как Кошмар, а раскрыть сейчас перед Отступниками свое истинное лицо было бы непростительной глупостью.

Когда она завернула за угол, стены снова начали дрожать, следом опять раздался треск – на этот раз еще громче и ближе.

Нова дошла до вагона Цианида и остановилась. Отсюда было слышно происходящее на платформе – а там что-то грохотало и падало на рельсы. Спустя минуту баночка печеной фасоли, ударяясь о рельсы, подкатилась к Нове и остановилась от нее в двух шагах.

– Анархисты, выходите, – зазвенел в воздухе пронзительный женский голос. – Настало время подвести итоги.

Стремительно бросившись за вагон Лероя, Нова спряталась там. Осторожно выглянув, она заметила четыре фигуры на центральной платформе, где хранились их продукты и припасы. Или уже не хранились – два массивных металлических стеллажа были опрокинуты, на полу была мешанина из битых бутылок, переломанных коробок, а в воздухе стоял резкий запах уксуса.

Этих Отступников Нова узнала с первого взгляда – одна из самых заметных команд в городе, с репутацией матерых охотников на злодеев. Их командиром была Отмороженная – та девушка, чей голос звучал только что. На несколько лет старше Новы, красотка атлетического сложения, с шапкой серебристо-белых волос и белоснежной кожей, такой тонкой, что даже в туннеле при тусклом освещении Нова различала просвечивающие голубые сосуды.

Рядом стоял Афтершок¹, коренастый брюнет с бородкой – по-видимому, именно он был причиной землетрясений. За ним – Скот-Хвосток, тощий долговязый парень с глазами-бусинками. Он двигался с жутковатой грацией существа, у которого позаимствовал прозвище, тонкий зазубренный хвост тянулся за ним. Последним оказался гигант, Горгулья, которому постоянно приходилось сгибаться, чтобы не застревать в проходах, и плоть которого могла мгновенно превращаться в прочный камень.

– Ну что, – произнесла Отмороженная, уперев руки в бока, – видно, они так перетрусили, что боятся выйти поздороваться.

Она кивнула Афтершоку и Горгулье.

– Общитесь туннели. Посмотрим, удастся ли вытащить кого-нибудь на свет.

Отступники бросились бегом в два противоположных туннеля – Афтершок пронесся на расстоянии вытянутой руки от затаившейся Новы. Хвосток стал ворошить рассыпанные по платформе припасы.

– Маринованная бамия? – брезгливо сморщив нос, поднял он стеклянную банку. – Дрянь какая-то.

Он запустил банкой в стену, где мелкой мозаичной плиткой было выложено название проходящей наверху улицы. Во все стороны разлетелись осколки стекла и зеленые стручки, еще сильнее запахло уксусом.

Нова крепче стиснула в руке приклад.

– А «Фруктовые колечки»? – подхватила Отмороженная, пнув раздавленную коробку сладких завтраков. – Я с четырех лет не едала подобной пакости. Лучше отдать это крысам.

Пройдясь по краю платформы, она подняла коробку, раскрыла и высыпала разноцветные колечки на рельсы.

Коробка принадлежала Уинстону – это были его любимые хлопья – так что остальные не много потеряли. Но несмотря на это на скулах у Новы заходили желваки. Для всякого, кто еще помнил Век Анархии, по какую бы сторону он ни стоял, расточительство было непростибельным проступком.

В вагоне, за которым пряталась Нова, с громким лязгом отворилась дверь. Отмороженная и Хвосток резко развернулись к вагону. Девушка пригнулась пониже, прислушиваясь к шагам Лероя, который спустился по ступеням и вышел к рельсам. Она заметила брезгливость, с которой Отмороженная взглянула на шрамы и пятна на коже Лероя.

Когда Лерой ненадолго попал в поле зрения Новы, она увидела, что он вышел к ним в заношенном халате и рваных спортивных штанах. Под подошвами его домашних тапок захрустели хлопья, рассыпанные по платформе.

– Ох, – издевательским тоном заговорила Отмороженная, – мы вас не разбудили?

– Да нет, – ответил Лерой, остановившись в десятке шагов от Отступников. – Мы вас ждали, после сегодняшнего. Приятно, что вы до сих пор оправдываете ожидания. Но вот это...

Он с тяжким вздохом обвел рукой поваленные стеллажи и рассыпавшиеся на четверть платформы продукты.

– ...это вызывает у меня вопросы.

Выражение лица Отмороженной из ехидного стремительно стало гневным, она приблизилась к Лерою, а в кулаке у нее вдруг появилась длинная острая ледяная сосулька.

– Мы хотели напомнить вам, уроды, что все – вода, еда, даже этот жалкий клоповник в туннелях – все это у вас есть только потому, что мы *смотрим на это сквозь пальцы*.

Она потрясла в воздухе осколком льда и ткнула им в подбородок Лероя, заставив его отвернуться.

¹ Афтершок (англ. *aftershock*) – повторный сейсмический толчок меньшей интенсивности по сравнению с главным сейсмическим ударом. Прим. переводчика.

– И если мы решим, что вы не заслуживаете такой милости, то можем вас всего лишить.

– Милость? – голос Лероя звучал ровно, как будто не ему в шею упирался кусок льда. – Отступники нам ничего не дали. Все, что здесь есть, куплено, за каждую вещь мы заплатили – или просто подобрали, как поступают все.

– Подобрали, – в разговор вступил Хвосток. Отвернувшись, он плюнул, выпустив на платформу длинную струю слюны. – Никому из нас не пришлось бы рыскать в поисках пропитания, если бы не ваша шайка-лейка, ты не забыл про это?

Лерой поднял одну бровь – точнее, шевельнул мышцей на том месте, где должна бы расти бровь, если б не сгорела много лет назад.

– Если бы не наша *шайка-лейка*, мальчонку с зазубренным хвостом прибили бы сразу после рождения, а трупик засунули бы в банку с формалином для изучения.

Не обращая внимания на искаженное гневом лицо Хвостока, Лерой продолжил.

– Ваш Совет владычествует в городе вот уже скоро десять лет. Если они до сих пор не сумели восстановить экономику, может, надо у них спросить, почему они возятся так долго, а не валить все попусту на нас.

Отмороженная провела своей сосулькой по шее Лероя, оставив тонкий порез. Цианид вздрогнул, но овладел собой.

– Может, если бы Совет не был вынужден защищать город от безумных нападений, его члены сумели бы заняться делом и привести в порядок то, во что превратили мир злодеи вроде вас.

– Может, – возразил Лерой, – имея в распоряжении столько Одаренных с промытыми мозгами, они могли бы как-то постараться и укрепить свою оборону.

Земля снова содрогнулась, и в просвете одного из туннелей появился Афтершок. Каждый его шаг отдавался слабым подземным толчком.

– Там ничего, кроме кучки заплесневевших книг.

Положив руку на платформу, он одним махом взлетел на нее и встал рядом с Хвостоклом.

– Ты, видимо, не очень внимательно искал, – раздался сухой голос. Афтершок повернулся, чтобы увидеть говорящего. Из туннеля, откуда он только что вышел, показалась темная фигура – чернильно-черный плащ Фобии выглядел, как будто был сшит из тени, поблескивало только лезвие его длинной косы. Он был единственным из всех Анархистов, кого Нова ни разу не видела в домашней одежде – всегда только неизменный плащ с капюшоном, мрачная маска и дуга косы над головой. А еще, из всей их группы – Ингрид и Хани, Уинстона и Лероя, Фобия был единственным, чье имя оставалось загадкой. Иногда Нова даже думала: возможно он родился таким уродливым, что родители в ужасе так и нарекли младенца – *Фобия*.

– И правда, диву даешься, как они невнимательны.

Нова подняла голову туда, где на узком пешеходном мостике, проходившем над путями к другой платформе, сидела Ингрид, свесив длинные ноги над рельсами.

– Я здесь сижу все это время, а никто и не подумал голову поднять. Честно, я вообще не понимаю, как город функционирует при этих людях в руководстве.

– Снимите ее, – отрывисто скомандовала Отмороженная.

Афтершок приподнял ногу и топнул – с силой. По бетону к лестнице зазмеилась трещина. Грунт под ступенями разошелся, в земле открылся глубокий разлом. Лестница просела. Пешеходный мост угрожающе накренился. Ингрид вскочила на ноги за миг до того, как болты, на которых держались металлические конструкции, вырвало из бетона, и мост развалился – половина начала сползать в созданную Афтершоком пропасть, остальное повалилось на рельсы. В последний момент Ингрид успела перескочить с остатков мостика на платформу, перекатилась и приземлилась на четвереньки у вагона Лероя.

– Уже лучше, – язвительно бросила Отмороженная, картинно выгнув бедро.

У Новы потемнело в глазах. Она подняла винтовку и направила ствол на Афтершока. Но не успела прицелиться, как точно между ними возникла чья-то фигура.

Она опустила ружье. Между ней и Отступником стояла Ингрид, к Нове спиной. Одну руку она завела за спину и помахала пальцами, делая Нове знак: уходи.

Девушка вспыхнула – возмутительно, ее прогоняют, как непослушного ребенка.

Впрочем, она возмутилась бы куда сильнее, если бы не понимала, что Ингрид вообще-то права. Она была небрежна и чуть не выдала себя, а что она собирается делать с винтовкой и горстью дротиков? Без яда такой выстрел серьезного вреда не причинит – так, комариный укус.

– Советую быть осторожнее, – скрипучий голос Фобии звучал, как всегда, невозмутимо. – Это старые туннели и опоры тоже старые. Вы, надеюсь, не желаете быть заживо погребенными? (Он поднял косу и описал над головой круг.) Я, в общем-то, не возражаю, просто сомневаюсь, что вы задумали именно это, когда пришли и нарушили наш покой.

Поскольку Ингрид продолжала блокировать ей обзор, Нова снова присела между стеной и вагоном. Не выпуская из одной руки винтовку, она другой рукой нащупала металлические ступеньки и проворно вскарабкалась на крышу вагона. Она легла на живот и медленно поползла вперед, пока не увидела под собой платформу.

– По-моему, Фобия хотел сказать, – вступила в разговор Ингрид. Между пальцами у нее пробегали синие искры, – что иногда дешевый выпендрож может иметь неприятные последствия.

Отмороженная усмехнулась.

– Не знаю, не знаю.

Из дальнего туннеля раздались истеричные возгласы. Нова, упершись ладонью о крышку вагона, высунула голову чуть дальше. Вначале панические крики Хани звучали неразборчиво, но по мере ее приближения можно было различить слова.

– Верни! *Верни немедленно!* Ты сам не ведаешь, что творишь!

Секунду спустя из-под навеса туннеля появился Горгулья, неся перед собой два десятка ульев разных размеров и форм. Вокруг него роились рассерженные насекомые – черной жужжащей массой они облепили торс великана, но тот стал неуязвим, превратив все тело в камень.

Его торопливо догоняла Хани, в бледно-розовом халатике, на голове бигуди.

– Тебе не понять, сколько труда в них вложено, ходячий ты булыжник!

Поскольку Горгулья по-прежнему не обращал на эти крики внимания, Хани перешла на бег и, догнав его, повисла на могучей ручище. Длинными белыми ногами она нещадно колодила его по боку – без малейшего эффекта.

Обозленный Горгулья тряхнул рукой, и Хани отлетела в сторону. Пролетев полплатформы, она упала на груды продуктов и ударилась плечом о металлический стеллаж. Кажется, от боли она на миг отключилась, но когда снова открыла глаза, в них полыхала ненависть.

Горгулья подошел к Отмороженной. Та не на шутку напряглась при виде тучи ос и особенно шершней: некоторые, особенно крупные, были размером с большой палец Новы, а их укус причинял дикую боль, как ожог раскаленной кочергой.

Отмороженная ткнула пальцем в Хани.

– Отзови их, – потребовала она, пытаясь перекричать жужжание, – Сделай, чтобы он убрался, или это будет расценено как нападение на Отступника при исполнении, да еще и с применением сверхспособностей.

Хани с трудом села.

– Отзову, как только он поставит ульи на место, туда, откуда взял!

– На место? – с интересом переспросила Отмороженная и обернулась в Горгулье. – Где ты их нашел?

– У нее там комната, в нескольких сотнях футов отсюда. Типа старого чулана. А там полно этого всего.

– Хм, В случае с Одаренной, имеющей власть над пчелами, – Отмороженная наклонила голову, – думаю, что это можно квалифицировать, как хранение смертельного оружия.

Хани испустила крик отчаяния.

– Это мои дети! А вы отнимаете их дома – дома, по праву принадлежащие им!

– Я требую, чтобы ты отозвала своих деток прочь, и сейчас же, – парировала Отмороженная. – А не то *твоим* следующим домом будет камера в спецтюрьме Отступников.

Хани уставилась на нее (Нова заметила, как она дрожит), потом сверкнула глазами так, что, казалось, воздух над платформой и путями загудел от напряжения – хотя, возможно, это было жужжание пчел, продолжавших атаковать непробиваемую шкуру Горгульи.

Нова могла сказать по лицу Хани, что соблазн борется в ней с сомнением.

Да, она не смогла одолеть Горгулью, зато Отмороженная была уязвимой мишенью для ее смертоносных ос. Нова не могла не согласиться – приятно было бы взглянуть, как Отмороженная корчится от укулов сотен ядовитых жал.

Да только удовольствие было бы недолгим: Горгулья в один миг схватил бы Хани и либо убил ее на месте, либо арестовал.

Дело того не стоило – и Хани, кажется, тоже это поняла. Выпрямившись во весь рост среди битых банок и мятых коробок, она расправила плечи и взмахнула рукой.

Насекомые, как единое целое, разом поднялись в воздух и, развернувшись, устремились в туннель.

Дождавшись, пока они скроются, Отмороженная кивнула Горгулье.

– Уничтожь это.

Нова ахнула, но этого никто не услышал, так оглушительно завизжала Хани.

Побросав ульи на землю, Горгулья принялся методично крушить их массивными каменными ножищами.

В криках Хани сначала слышался гнев, потом отчаяние. Заламывая руки, она беспомощно смотрела, как разрушают ульи – многие пчелы и трутни даже не успели из них вылететь. Ее тело сотрясали рыдания. Хрупкие, как бумага, ошметки стен летели во все стороны. Трупки насекомых и оторванные пчелиные крылья ковром усеяли цементный пол.

Все это время Горгулья не переставая улыбался. Это была жестокая улыбка ребенка, попробовавшего с хрустом давить ногой жуков и нашедшего в этом садистское удовольствие.

Нова все сильнее сжимала зубы, пока не заныли челюсти. Она переводила взгляд с Хани на Ингрид, с Цианида на Фобию, но ни один из них не шевельнулся, чтобы остановить Горгулью.

Любая такая попытка была бы расценена как нападение на Отступника и послужила бы поводом для задержания. Приняв много лет назад предложение Цианида, Отступники ясно дали понять, что больше Анархистам ничего не сойдет с рук.

Наконец Горгулья закончил и отшвырнул ногой останки последнего улья. Пролетев через платформу, бесформенный кусок упал на пути и остался лежать там, недалеко от места, где Отмороженная рассыпала хрустящий завтрак Уинстона.

– Ну, теперь, когда все в наличии... – Отмороженная сладко улыбнулась, поигрывая своей сосулькой, как жезлом, – пора заняться делом.

Развернувшись так внезапно, что Нова не успела сообразить, что она задумала, предводительница Отступников метнула сосульку в Фобию, как копьё. Лед с силой ударил его в грудь, и все тело Анархиста мгновенно окутал черный дым, смешавшийся с тенями туннеля.

Почти одновременно с этим Хвостокол взмахнул своим зазубренным хвостом и ударил Хани. Ядовитые шипы прильзились ей в бок, вскрик удивления превратился в вопль боли, тело будто окаменело, и женщина, как подломленная, упала на пол. Чуть ли не тем же движением Скот мотнул хвостом в сторону Лероя, зацепив тому плечо. Не успев отбежать, Лерой застыл, потом откинулся назад и упал навзничь на цемент.

Нова снова подняла ружье, теперь она целила в Хвостокола. Но он уже закончил свое дело. Хани так и осталась лежать у поваленного стеллажа, а Лерой был совершенно недвижим, только глаза часто моргали, глядя в низкий потолок. Нова не знала, каким ядом был начинен хвост Ската, но обе его жертвы были, казалось, парализованы и оставались неподвижными. Судорожно подрагивали лишь конечности – видимо, яд по кровеносным сосудам проникал все глубже в организм.

Ингрид, издав воинственный клич, спрыгнула на платформу, в ладони у нее вращалась сфера – голубоватый сгусток энергии. Отмороженная развернула ладонь, и из нее вырвался ледяной поток, формируя у ног Ингрид настоящий небольшой ледник. Вскрикнув от неожиданности, Ингрид замахала руками, чтобы не упасть: инерция увлекала ее тело вперед, а ноги оказались примороженными к путям. Она отвлеклась от бомбы, которую начала формировать, и та испарилась.

– Кажется, ты последняя из Анархистов, кто еще держится на ногах, – заметила Отмороженная, стряхивая с пальцев на цемент последние льдинки. – Ладно, пока с вас довольно. Просвети меня – есть ли какие-то причины оставить вас в живых после того, что бы учинили сегодня во время праздничного шествия?

Ингрид зарычала. Синие сгустки энергии вновь начали скапливаться вокруг ее ладоней.

– Меня не было на вашем дурацком празднике, – заявила она, и, хотя Нова знала, что это неправда, ответ поразил ее своей убедительностью.

– А мне плевать, – ответила Отмороженная. – Уинстон Прэтт предпринял атаку на мирных жителей города Гатлона, а моя работа – проследить, чтобы никогда больше жители города не страдали от лап Анархиста.

– На ваше шествие напал Уинстон Прэтт, и, насколько мне известно, он уже у вас за решеткой, – парировала Ингрид. – Так чего вы хотите от нас?

Отмороженная фыркнула.

– Ты же не считаешь, что я поверю, будто этот недоумок работает один?

– Именно на это я и рассчитываю, – сказала Ингрид. Она выглядела спокойной и сверлила противницу холодным взглядом. – И ты и я – мы обе знаем, что у вас нет никаких улик в пользу других версий. Уж если у вас было хоть что-то на нас, мы бы сейчас не болтали тут, как две подружки – ты просто надеешься, что я ляпну что-нибудь этакое и типа выдам себя иди других.

Она принялась небрежно подбрасывать в воздух светящуюся бомбочку и каждый раз легко ее ловила.

– Я помню указы вашего Совета, – продолжала Ингрид. – *Никто не может быть осужден лишь по подозрению.* Так или нет? Вот и не надо нам угрожать, милочка. И попытайтесь найти хоть что-то, что связало бы нас с преступлениями Кукловода – желаю удачи. Сегодня он выступал сам по себе. Мы к этому не имели никакого отношения.

Отмороженная продвигалась вперед до тех пор, пока носки ее сапог не повисли над краем платформы.

– Мне и не нужно связывать вас с нападением на параде, – сказала она, помахивая пальцами. В сторону Ингрид полетела новая порция льда. Ледяной сугроб вокруг ее ног еще вырос, дойдя ей до бедер. – Нападение на Отступника – неслыханно дерзкое преступление. А такую ненормальную, как ты, вывести из равновесия совсем не трудно. Все равно что раздражить бешеную собаку, я бы сказала.

Ингрид со свистом втянула воздух: ледяная колонна добралась до ее живота. Она уже не подкидывала бомбу, а зажала ее в кулаке.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – снова заговорила Отмороженная. – Будешь утверждать, что это была самооборона. Вот только... я что-то не вижу свидетелей, а без этого кто поверит твоему слову против моего? Анархистка против заслуженного Отступника.

Она поцокала языком, изображая сочувствие.

– Похоже, пришло время тебе делать выбор. Напади, и мы тебя повяжем. Или признайся, что участвовала в сегодняшнем нападении – и мы тоже тебя повяжем, но обойдемся с тобой немного ласковее. – Она развела руками. – Или ничего не делай. Как думаешь, что раньше тебя прикончит? Холод или удушье? Я лично поставила бы на второй вариант.

Лед дополз Ингрид до груди и продолжал двигаться все выше, к плечам. Еще немного, и руки – а с ними и бомбы – станут бесполезными.

Нова крепко зажмурилась, пытаясь соображать яснее, не обращая внимания на охвативший ее жар и пульсирующий шум в ушах.

И это те супергерои, которых боготворит весь мир? Допустим, Ингрид не так уж невинна. Как и все они, но получается, что и сами Отступники недалеко от них ушли. Что они творят? Пытают Ингрид, чтобы вырвать у нее ложное признание. Разрушили пчелиные гнезда Хани, вызвали обвалы в туннелях, уничтожили продовольствие, необходимое им, чтобы жить – и все это ради того, чтобы найти *законный* повод их посадить.

Палец скользнул к спусковому крючку. Нова открыла глаза, и вдруг обнаружила, что видит ясно и четко. Ум освободился от оков.

Она поймала Отмороженную в прицел.

Правда, дротики не отравлены, но это еще не значит, что при удачном выстреле от них не будет никакого ущерба.

На мушке оказался глаз Отмороженной, светло-голубой. Посветлее, чем у Капитана Хрома, но ненамного.

Курок впечатался в палец.

Она только начала жать на него, как вдруг все кругом взорвалось каскадом огня, света и оглушительного рева.

Глава девятая

Вздрыгнув, Нова отпрянула, потом выглянула из-за угла вагона.

Пути горели.

Нет, не так – струя огня была откуда-то из мрака. В считанные секунды пламя охватило ледяной мостик между Ингрид и Отмороженной.

Ругаясь на чем свет стоит, Отмороженная отступила и повернулась к туннелю, откуда донеслись, отдаваясь эхом от стен, тяжелые шаги.

Нова открыв рот смотрела, как он выходит из тьмы в своей броне, которая здесь выглядела более зловеще, чем днем на крышах, при ясном солнце.

Наблюдатель.

– Как бы я ни стремился увидеть каждого из этих злодеев за решеткой, – он говорил размеренно, низким голосом, – что-то подсказывает мне, что Совет не одобрил бы ваши методы задержания.

– А это еще кто? – спросила Отмороженная, вращая кистью и формируя новое ледяное копьё. – Шестерка Совета?

– Забавно, – в голосе Стража не было улыбки, – Я часто думаю то же самое о тебе.

Нова сняла палец с курка. Она как в зеркале увидела на лице Отмороженной собственное недоумение. Слова Стража заставляли думать, что он с ней знаком, причем лично, а не из серии «читал в газетах».

– Мы здесь официально, по делу, как отряд Отступников, – сказала Отмороженная. – Если попытаешься нас остановить, мы с радостью и тебя возьмем под арест.

Вокруг левой руки Стража заплясали оранжевые язычки пламени.

– Вы здесь не единственные Отступники с официальной миссией. Разница только в том, что я выполняю прямое распоряжение Совета.

Нова вытянула шею, стараясь не пропустить ни словечка. Она уставилась на нагрудные щитки его брони. Что это, игра света в туннеле или то, что она смотрит сверху вниз под углом? Отсюда казалось, что щель в его наплечном щитке исчезла.

Нова наморщила лоб. Она проткнула его кинжалом, попав именно между плечом и нагрудным щитком, но сейчас не видела никаких следов повреждения. Не было и засохшей крови. Он вообще не казался раненым. Разве что чуть скован в движениях, но совсем не так, как полагалось бы после такой раны.

Еще одна загадка так называемого Стража и еще одно подтверждение, что это *не* обычный Отступник. Это что-то новенькое. Солдат? Киллер? Оружие, созданное Советом для выполнения самых гнусных миссий, которые нельзя поручить типичному супергерою?

– Прямиком из Совета? – Отмороженной удалось изобразить смешок. – ты меня за идиотку принимаешь? Никто в штабе о тебе даже не слышал. Ты самозванец. И это, – она занесла над головой ледяное копьё, – превращает тебя во врага.

– Или означает, что ты слишком мелкая сошка, чтобы вводить тебя в курс всего, над чем мы работаем, – спокойно сказал Страж.

Отмороженная явно заколебалась, Нова различила тень сомнения у нее на лице.

– А мне между тем известно, – продолжал Страж, – что вас послали сюда по двум причинам: узнать, причастны ли другие Анархисты к нападению Кукловода, и выяснить, какое отношение к ним имеет Кошмар.

Наблюдатель нагнул голову. Нова могла бы поклясться, что он смотрит на Ингрид, все еще стоящую по шею во льду. Зубы у нее стучали от холода.

– И у меня создалось впечатление, что добились вы немногого.

У Отмороженной раздувались ноздри.

Внезапно Страж подпрыгнул вверх и опустился на платформу в футах от Отмороженной. Попятившись, она чуть не упала, но быстро восстановила равновесие. За ее спиной выстроились Горгулья, Афтершок и Хвосток, все настороженные, готовые к атаке, однако ни один из них не тронулся с места. Очевидно, заявление Стража, что он здесь по приказанию Совета, их здорово озадачило.

– Прежде всего Детонатор – освободи ее, – сказал Страж, разжимая кулак. Языки пламени исчезли. – После этого ты и твои помощники можете быть свободны. Я беру расследование на себя.

У Отмороженной вырвался смешок, словно она поверить не могла услышанному. Она крутанула в воздухе ледяным копьём, но сразу опустила руку, и острый кусок льда ткнула в потрескавшийся цемент, словно трость.

– Если Совет намерен нас отозвать, они могли бы сами нам об этом сообщить.

– Они так и сделали, – ответил Страж. – К сожалению, здесь внизу связь ужасная, почти не ловит. Иначе вам не пришлось бы так оконфузиться.

Отмороженная глядела на него с нарастающим подозрением, но Хвосток и Афтершок опустили глаза на одинаковые черные браслеты, которые они носили на запястьях. Нова закусила губу. Ее всегда интересовали эти браслеты у патрульных Отступников. Выходит, это какое-то устройство для связи?

– Итак, – продолжал Страж, – Я не стану докладывать вашим руководителям о многих, *многих* этических нарушениях, допущенных вами сегодня. Но только при условии, что вы больше не будете отнимать у меня время.

Барабаня пальцами по ледяному копыю, Отмороженная перевела глаза со щитка, закрывающего лицо Стража, на алую букву «О», отпечатанную у него на груди. Физиономия у нее вытянулась, но не стала при этом менее высокомерной.

– Отлично, – сказала она как плюнула, – Все равно здесь больше ничего не добьешься.

Она метнула свою сосульку в сторону, и та вдребезги разбилась о стену.

Обойдя Стража стороной, она махнула своей команде, показывая, чтобы шли за ней.

– Сначала Детонатор, – напомнил Страж.

– Сам ее освобождай, – огрызнулась Отмороженная. – А если в благодарность она пробьет тебе дырку в этом шикарном костюмчике, не приходи плакаться мне в жилетку.

Нова замерла, не сводя взгляда с Стража, а тот не двигаясь, смотрел, как четверо Отступников скрываются в туннеле, выходящем наверх. Ей безумно хотелось увидеть его лицо, узнать, что он чувствует сейчас – облегчение или злость, раздражен он или радуется. По его позе ни о чем нельзя было догадаться – так и должен стоять типичный герой из книжки комиксов. Прямой, негиббемый, плечи расправлены, руки по швам.

Медленно повернул он голову в сторону Ингрид и раздосадованно вздохнул. Одно невыносимо долгое мгновение он, казалось, обдумывал свои действия, и только потом поднял, наконец, руку и пустил в сторону льдины тонкую непрерывную огненную струю. Он метил в самый толстый слой льда у ног Ингрид, и айсберг постепенно начал таять.

У Новы кипел мозг. Ничего не поделаешь, она ощущала благодарность Стражу, пусть совсем небольшую, а с другой стороны, хотя ему явно не понравилось то, что творили Отмороженная и ее свита, Нова не настолько наивна, чтобы вообразить, что он внезапно стал их союзником.

Он Отступник, как и они, да еще работает непосредственно на Совет. Секретная разработка, о которой просто еще не знают рядовые члены организации.

Что-то подсказывало ей, что избавившись от одной угрозы, они, возможно, получили взамен другую, еще более опасную.

Дождавшись, когда лед основательно подтает, Страж отвел руку, пламя исчезло. Застонав от боли, Ингрид попробовала согнуть ногу в колене и сломать оставшийся тонкий слой льда.

Ледяная корка растрескалась, и Ингрид упала вперед, тяжело приземлившись на четвереньки. С трудом присев на корточки, она начала растирать руки, пытаясь согреть.

Наблюдатель хранил молчание, глядя в ее сторону и не выражая никаких эмоций. Нова отчетливо ощутила, что он колеблется, борется с собой. Худосочный язычок огня то и дело появлялся между его согнутыми пальцами и тут же исчезал. Казалось, он хочет развести костер, чтобы помочь Ингрид согреться.

Но он этого так и не сделал.

Вместо этого, выждав, когда она перестанет громко стучать зубами и к ней вернется способность говорить, Страж подошел к краю платформы.

– Мне нужна Кошмар, – сказал он. – Где она?

Ингрид посмотрела на него с презрением.

– *Кошмар*? Это еще кто?

– Такого росточка, – Страж преувеличенно низко опустил руку – карикатура на настоящий рост Новы. – Черный капюшон. Пыталась сегодня убить Капитана Хрома.

Ингрид размяла пальцы, проверяя, удастся ли ей ловить синие искры из воздуха, кряхтя, с натугой поднялась на ноги. Нова видела, что она ослабела и едва держится, но изо всех сил старается это скрыть.

– Ах, вот ты о каком Кошмаре, – протянула она, пожимая плечами. – Не видела ее.

Судя по голосу, Страж помрачнел.

– Может быть, тебе известно, где я могу ее найти.

За спиной у Стража Лерой со стоном перевернулся на бок. Страж всем телом развернулся к нему, из ладоней забил огонь. Однако он успокоился, увидев, как Лерой пытается сесть.

Кашлянув в согнутый локоть, Лерой уставился в маску Стража.

– Она не из нас, – голос звучал так ровно, будто он объяснял, как пройти в Городской парк, – У нас никаких связей с девицей, называющей себя Кошмар, а следовательно, мы не можем объяснить вам, где ее искать.

Размеренными шагами Страж подошел к Лерою. Его фигура выглядела внушительно.

– Тогда объясни мне, Цианид, – он присел, чтобы заглянуть Лерою в глаза, – как один из твоих фирменных ядов оказался на орудии, которое она применила, пытаясь убить Капитана?

– Один из моих ядов? – переспросил Лерой. – В самом деле?

Схватив Лероя за подбородок, Страж развернул его лицо вверх. Нова опознала тактику устрашения, к которой он прибегал и во время их столкновения на крыше.

Секретная разработка, высокие технологии Отступников или что-то другое – все равно он ничем не лучше других: такой же грубый болван. Просто очередной зомбированный при-спешник Совета.

– Ты не заставишь меня поверить, что не связан с ней, – зарычал он.

– А мне дела нет, веришь ты или не веришь, – возразил Лерой. Его темная кожа блестела от пота. – Мой яд нашли на ее оружии, ну так что же... я десятки лет продавал и продаю в этом городе разные зелья, нужные в быту.

Он улыбнулся, обнажив щербатый рот с неровными зубами. На его лице была написана гордость. Можно было подумать, что это всемирно известный селекционер тюльпанов.

– Среди химикатов, позволяющих людям избавиться от вредителей в доме, вполне мог оказаться один из моих ядов – тому есть тысячи объяснений и причин, и *не все* эти причины злонамеренны или нелегальны. Вам не приходило в голову, что эта самая девушка, Кошмар, кем бы она ни была, могла просто приобрести раствор у кого-то из моих распространителей?

Нова знала: все это было правдой. Ядовитые зелья, которые готовил Лерой, в общем и целом были разрешенными и полезными. Этот его заработок оставался для Анархистов основным источником дохода. Большое благо в этом мире, когда становилось все труднее и труднее

разыскать или украсть даже самое необходимое – и Отмороженная со своими шестерками это отлично знали, когда безжалостно уничтожали их припасы.

– Это был не просто пестицид, – пророкотал Страж.

– А мне откуда знать? Вы сказали только, что это был один из моих фирменных ядов, а это слишком широкое определение.

– Ладно, Цианид, а теперь отведай-ка своего фирменного яда, предназначенного для... – Страж оборвал свою речь на полуслове, раздалось тихое шипение. Он отскочил и отдернул руку, которой схватил было Лероя за лицо.

Нова зажала рот рукой, чтобы заглушить смех. Хотя лицо Стража и было скрыто, по его позе и движениям было видно, как он ошарашен. Держа вытянутую руку на отлете, он откинул голову, словно пытаясь сбежать от собственной конечности. Пальцы на правой перчатке были обмазаны темной, липкой жидкостью, которая только что выступила из всех пор Лероя, а теперь стремительно разъедала металлическую поверхность перчатки.

Поднявшись на ноги, Лерой потуже завязал пояс халата и сунул руки в карманы.

– Так о чем вы говорили?

– Он говорил, – вступила в разговор Хани. Она, преодолевая онемение, старалась встать, цепляясь за стеллаж, – что у него ровно столько же доказательств нашей незаконной деятельности, сколько и у ледяной стервы. Другими словами, у них на нас вообще ничего нет.

Она принялась снимать бигуди, распутывая светлые локоны.

– Ты права, – ответил Страж. – У нас нет улик... пока. Но я уверен, что вы участвовали в сегодняшней атаке. Я знаю, что Анархисты мечтают покончить с Отступниками.

– Да, мы мечтаем увидеть, как с ними покончат, – замогильный голос Фобии, словно гром, раскатился эхом по всем закоулкам туннелей. Страж повернулся вокруг своей оси, всматриваясь во мрак. – Но желать чего-то еще не преступление, даже по *их* законам.

Тени за спиной у Стража сгустились, и, будто из ниоткуда, вышел Фобия, двумя руками сжимая черенок косы.

– Довольно мы терпели это вторжение на территорию нашего дома.

– Поддерживаю, – заговорил Лерой. – Если Совет считает, что мы нарушили соглашение, пусть они сами выдвинут против нас обвинение. А до тех пор мы требуем не нарушать обещанную нам неприкосновенность.

Вокруг сжатых кулаков Стража заплясали огоньки.

– Вам была обещана неприкосновенность только до тех пор, пока вы соблюдаете законы Совета. А при подозрении, что вы не держите данное слово, наше право провести исследование. Сегодня арестован Анархист, за терроризм и нападение на граждан. Сегодня же при попытке покушения было использовано зелье Анархистов.

– Ну, если этого достаточно, чтобы арестовать нас всех, – заговорила Ингрид. Она снова твердо стояла на ногах, скрестив руки на груди, – то мы бы все уже были в кутузке.

– Но мы почему-то не там, – пропела Хани. Она потянулась и подняла руки над головой. – Так что ты можешь тратить свое время и пугать нас и дальше, а мне пора, я должна хоть как-то утешить своих бедных обездоленных деток.

Бросив полный негодования взгляд на раздавленные улы, она с вызовом вздернула подбородок и, босая, стала осторожно пробираться, стараясь не наступить на осколки битых бутылок и раздавленные продукты.

Не успела она сделать и двух шагов, как Страж прыгнул и приземлился точно перед ней. Хани, взвизгнув, всплеснула руками и отпрянула.

Оправившись от неожиданности, она выпрямилась, уперлась руками в бедра и закрутила головой, пытаясь разглядеть хоть что-то сквозь щель на шлеме. Сейчас глядя на нее можно было понять, почему она получила имя Королевы пчел. Даже несмотря на халатик и бигуди, на то, что сейчас ее не сопровождала свита смертоносных насекомых, Хани отличала царственная

осанка. По крайней мере, она удачно продемонстрировала ее перед противником. Нова невольно отметила, что всего несколько часов назад Хани выглядела куда более жалкой. Возможно, она из тех, кто лучше себя чувствует, когда есть с кем сражаться.

Хотя, может быть, все люди таковы.

– Еще одно, прежде чем ты уйдешь, – голос Стража грохотал под шлемом, как гром.

Нова напряглась. Она снова сжала винтовку, ожидая, что он вот-вот сдавит Хани горло или вцепится в лицо, как ей и Лерою. В голове опять крутились варианты за вариантом. Дротик бессилен против такой брони, но можно пойти на военную хитрость...

Не только она готовилась к атаке. Лерой вытащил из кармана халата капсулу, в которой – Нова знала – содержалась крепкая кислота. Ингрид открыла ладони, заново формируя потрескивающий синий шар. Фобия начал расти, увеличиваться в размерах, кутаясь в тени так плотно, что трудно было сказать, где кончается он и начинается тьма. Даже пчелы снова зажужжали, их гул становился все громче по мере того, как они вылетали из туннеля и яростный смерч над головами все рос.

Мир замер, только пчелы были в движении. Страж как будто заколебался, больше похожий на статую, чем на человека. Вместо лица непроницаемый шлем – какой-то робот, а не человек.

Он пошевелил пальцами, и Нове показалось, что он прикидывает, спасет ли его броня, если нападут все сразу. На ее взгляд костюм не выдержал бы даже одной-единственной бомбы Детонатора.

Она была готова к тому, что сейчас удастся это проверить.

Но вместо того, чтобы схватить Хани или извергнуть очередной огненный столп, Страж нагнулся, поднял один из обрушенных стеллажей и приставил его к стене. Подхватив второй стеллаж, он и его одной рукой поставил на место.

Нова озадаченно сдвинула брови.

– Что бы вы ни делали со своей жизнью после Дня Триумфа, – заговорил он, – вы все остаетесь врагами Совета и Отступников. Но в настоящий момент меня волнует единственный враг – Кошмар.

С этими словами он повернулся лицом к вагону, на крыше которого лежала Нова. Она припала к крыше, а Страж сделал несколько шагов в ее сторону и спрыгнул на пути. Мимо Ингрид он прошел, не удостоив ее шипящую бомбу взглядом.

– Кошмар... Когда увидите ее, – Страж взялся поднимать остатки цементного моста, обрушенного Афтершоком, – передайте: если снова надумает что-то учинить против Совета, ей придется иметь дело со мной. А я намерен уничтожить ее, не дожидаясь разрешения Совета.

Наблюдатель освободил пути, привалив мост к платформе. Даже не оглянувшись посмотреть, какова реакция на эти слова, он уверенно направился к чернеющему входу в туннель. Вскоре темнота скрыла его фигуру, а размеренные шаги затихли.

Напряжение ушло не сразу. Но вот, наконец, Хани отправила домой беспокойно гудящих пчел. Ингрид рассталась наконец с потрескивающим сгустком энергии, Лерой сунул в карман кислотную бомбу, а Фобия снова стал нормального роста.

Ингрид двумя руками состроила длинный нос, глядя в туннель, к которому скрылся Страж.

– Быть слабым, – проскрежетал Фобия. – Быть беспомощным.

Ингрид покосилась в его сторону.

– Ты о чем?

– Это его самый большой затаенный страх, – сказал Фобия, рассеянно крутя над головой клинком косы. – Проще говоря, лишиться силы.

Хани фыркнула.

– Достоинственно праведного Отступника.

– Возможно, – произнес Фобия, слегка кивнув черным капюшоном. – Слов нет, это неприятный страх для того, кому так много дано.

– Все его способности – от брони? – предположил Лерой, вынув носовой платок и обтирая им покрытое маслянистым налетом лицо. – Хорошо бы знать поточнее, что же это – продолжение эволюции Одаренных или все его таланты – результат экспериментов и работы инженеров.

– И можно ли их воспроизвести, – озадаченно выпятила губу Ингрид.

Фобия не ответил.

Испустив долгий вздох, Нова перекатилась на спину. Много лет назад какой-то любитель граффити изрисовал потолок из баллончика, и теперь на нее, высунув язык, смотрела сверху мерзкая демоническая рожа.

Они правы. Если Страж создан Советом, как знать, не появятся ли и другие, подобные ему? Это давало пищу для сомнений и тревог. Если они могут наделять кого хотят сверхспособностями, даже силой вызывать огонь и управлять им... кто знает, чего еще от них можно ждать?

С одним Стражем Нова может справиться. Но если их будет целая армия? Это сделает Анархистов как бы это выразиться... бессильными.

Шевельнувшись, Нова почувствовала что-то под бедром. Она сунула руку в карман и нащупала там скомканный листок бумаги.

– Надо было его убить и дело с концом, – сказала Ингрид, потом до Новы донесся шорох и стук: они начали раскладывать продукты по полкам. – Всех их пора поубивать.

– И окончить дни за решеткой? – Лерой поцокал языком. – Недальновидно.

– Зато я отомстила бы за своих бедных крошек, – вздохнула Хани.

– Ничего не изменилось, – раздался голос Фобии, – В Совете наши враги. Когда их не станет, Отступники долго не продержатся.

Нова развернула смятый листок. Это оказалась листовка, которую ей сунули на празднике, реклама испытаний Отступников. Наверху большими буквами было написано: ***Есть ли в тебе то, без чего не стать героем?***

Зло скривив рот, она начала рвать бумагу на клочки.

Фобия ошибается. Сегодня все изменилось. Из-за атаки Уинстона и ее неудавшегося покушения Отступники многократно усилят бдительность.

И теперь у них есть Страж.

Если сутки назад шансы Анархистов вызывали у нее оптимизм, то сегодня, кажется, улетучилась всякая надежда, что когда-то они смогут зажить нормальной жизнью. Существование Стража доказало, что они слишком мало знают о своих врагах, тогда как Отступникам все известно о *них*. Где они живут. На что способны.

Впрочем, они ничего не знают о *ней*.

И если это их единственное преимущество, она им воспользуется.

Глава десятая

Из всей их группы только Лерой когда-то учился вождению. Большинству жителей города это было ни к чему – до любого места они могли дойти пешком, к тому же, особенно после того, как система общественного транспорта рухнула, многие зарабатывали на жизнь, перевозя людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.